Не спи под инжировым деревом

Автор:

[Ширин Шафиева](#)

Не спи под инжировым деревом

Ширин Шафиева

Universum. Магический реализм Ширин Шафиевой

Нить, соединяющая прошлое и будущее, жизнь и смерть, настоящее и вымышленное истончилась. Неожиданно стали выдавать свое присутствие призраки, до этого прятавшиеся по углам, обретали лица сущности, позволил увидеть себя крысиный король. Доступно ли подобное живым? Наш герой задумался об этом слишком поздно. Тьма призвала его к себе, и он не смел отказать ей. Мрачная и затягивающая история Ширин Шафиевой, лауреата «Русской премии», автора романа «Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу». Говорят, что того, кто уснет под инжиром, утащат черти. Но в то лето мне не хотелось об этом думать. Я много репетировал, писал песни, любил свою Сайку и мечтал о всемирной славе. Тем летом ветер пах землей и цветущей жимолостью. Тем летом я умер. Обычная шутка, безобидный розыгрыш, который очень скоро превратился в самый страшный ночной кошмар. Мне не хотелось верить в реальность происходящего. Но когда моя смерть стала всеобщим достоянием, а мои песни стали крутить на радио, я понял, что уже не в силах что-то изменить. Я стоял в темноте, окруженный призраками и потусторонними существами, и не мог выйти к людям. И черные псы-проводники, слуги Гекаты, пришли за мной, потому что сам я не шел в загробный мир...

Ширин Шафиева

Не спи под инжировым деревом

Художественное оформление Юлии Девятовой

Иллюстрация на обложке Magdalena Pagowska

В оформлении книги использована иллюстрация:

© Kate Macate / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Kate Macate / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Шафиева Ш., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

?

Выйдешь в город, а он встретит своей пустотой. А потом его предашь и покинешь, потому что он не родной.

Даниил Гинк «Лысый брюнет»

– Вы поэт? – спросил он, улыбнувшись.

Ниточка разговора завязалась: на какую же катушку она станет наматываться?

- Да, поэт, - если быть поэтом - значит стремиться обрести искусство.

- Вы стремились обрести искусство! И обрели его?

- Ах, волей небес искусство - всего-навсего несбыточная мечта!

Алоизиус Бертран «Гаспар из тьмы»

Глава первая

Смерть

Шёл год Первой Олимпиады.

До белизны отшлифованные улицы Баку заполнились туристами, я сдался на милость жары и начал носить шорты, став таким образом частью социологического опроса «Потребно ли мужчине показывать голые ноги?» (от создателей хита «Женились бы вы на не девственнице?»). Волонтёры Олимпиады постоянно принимали меня, высокого, светловолосого и короткоштанного, за иностранца и своими гигантскими, словно их кисти поразила слоновая болезнь, указующими перстами из пенопласта то и дело пытались наставить на путь истинный.

Именно тогда в мою жизнь ворвался Ниязи, и на этом жизнь, какой я её знал, закончилась. При воспоминаниях о Ниязи первыми приходят на ум его брови. Чёрные, кустистые и широкие, они появляются из тумана памяти свободно парящими в воздухе, словно две лигатуры над ещё не начертанными нотами. Вслед за бровями выступает лоб - такой подвижный, что кажется, будто по нему бегают рябь, отчего лицо Ниязи бывает похоже на телевизионный экран, изображение на котором искажают волны помех.

Когда я впервые увидел его, он был облачён в волонтерскую футболку, фиолетово-бирюзовую, знойным летом напоминающую своими цветами о северном сиянии и холодных айсбергах. Под мышками и на спине темнели мокрые пятна, почти симметричные, как чернильные пятна теста Роршаха. То, что на спине, было похоже на венецианскую маску или морду козла. Ниязи много жестикулировал, чуть не задевая собеседников руками. Он пытался впарить нам билеты на пляжный волейбол – разумеется, женский. Это было первое, самое невинное проявление его неугомонной натуры, с которым я столкнулся. В голове у Ниязи постоянно толпились, словно зеваки на ярмарке, разные бредовые идеи. Сам он и не думал воплощать в жизнь большинство своих проектов, зато активно подбивал других. Например, как мне рассказывал Мика, басист нашей группы (он и познакомил нас с Ниязи), этот ненормальный придумал (или спёр у кого-то идею, не знаю) «нищего для богатых». Это такой нищий попрошайка, который надевает очень дорогую, но сильно поношенную одежду и поджидает своих благодетелей у всяких там бутиков. Идея ясна: подать такому попрошайке мало было бы просто неприлично. Ещё Ниязи придумал приходить в крупные банки, офисы операторов сотовой связи и им подобные богопротивные заведения, где люди вынуждены брать билет с номером и долго ждать своей очереди, чтобы их, наконец, соизволили принять, и продавать эти самые билеты тем, кто сильно торопится. Ну, и дальше в том же духе.

Ростом Ниязи мне по пояс, и физиономия у него мартышечья. Сайка, правда, сказала потом, что он симпатичный. Я выразил сомнение. Легко и не слишком категорично, чтобы не показать, что я задет или там ревную. Она засмеялась и начала объяснять, что парни таких вещей не понимают, и Ниязи определённо типаж, нравящийся всем девушкам. Если им, конечно, необходим карманный молодой человек, которого можно резко выпускать, когда надо напугать кого-то, подумал я, но промолчал. «Подумал, но промолчал» – это наиболее естественное для меня состояние. Иногда оно становится причиной многих неудобств. «По-моему, он немножко похож на Колина Фаррелла», – добавила Сайка, почему-то полная решимости переубедить меня, можно подумать, сосватать собралась. «Ага, только если бы мамаша Фаррелла во время беременности всю дорогу курила, бухала и употребляла запрещённые вещества», – заключил я.

В общем, дело было под Девичьей Башней, где мы с нашей группой – квинтет Death and Resurrection, всем слушать и трепетать! – собрались, чтобы вместе решить, куда пойти. Потому что пойти в этом городе некуда, особенно если вы молоды и вас распирает от мыслей, чувств и гормонов. Мы всегда так – сначала спорим, а в итоге идём туда, где на креслах уже навсегда остались отпечатки наших задниц. Предлагаю сделать гипсовый слепок с моего и, когда я наконец

свалю отсюда в большой мир и стану богатым и знаменитым, выставлю в каком-нибудь малопосещаемом местном музее.

Стоим мы и вяло перебираем возможные способы провести время. Один предлагает – все остальные отвергают. Над нашими головами с яростным писком носятся чёрные стрижи. Эмиль нервничает: под летающими птицами стоять ему неуютно, он боится, что они на него накакают. Прецеденты уже были. Отчего-то птицы обожают помечать нашего барабанщика таким образом. Может быть, их привлекают его густые кучерявые чёрные волосы, похожие на лобковые. Будь я птицей, я бы тоже не удержался. Просто он такой невезучий человек. Готов поспорить, что у него даже туалетная бумага постоянно рвётся мимо линии перфорации.

Стоим мы, страдаем, и вдруг – какой-то прямо инфразвук на всю площадь:

– Мика! Микамикамикаааа! – с характерной интонацией, с какой зовут, соблазняя едой, вредную кошку. Мы обернулись и увидели существо, обладавшее удивительно глубоким басом для такого мелкого тельца.

– А, Ниязи, привет, – сказал Мика и немного виновато посмотрел на нас. Мы, непатриотичные неформалы, критически уставились на новоприбывшего, одетого, как я уже упоминал, в волонтерскую футболку. Бейджик, жизнерадостная улыбка на бровастом лице – он произвёл на меня впечатление придурка. А потом просто – произвёл впечатление. Этот человек-катализатор, этот трикстер перевернул мою жизнь. Я умер из-за него. Но всё по порядку.

– Чуваки, знакомьтесь, это Ниязи, мой э-э... друг, – представил нас (как мне показалось – с неохотой) Мика. – Ниязи, это Джонни, Эмиль, Сайка...

– Да-да, – перебил его Ниязи, который, помимо прочих достоинств, страдал от преждевременного словоизвержения, – у меня есть билеты на пляжный волейбол, кому надо? Последние остались, больше нигде не найдёте.

Моего имени в тот раз он так и не узнал. Команда начала смущённо переглядываться. Я сохранял хладнокровие – у меня есть девушка, мне на женском волейболе делать нечего.

– Такое не каждый день увидишь! Последние пять мест. У меня друзья дерутся за них, а я не хочу никого обижать. Мог бы продать кому-нибудь на стороне, чтобы они не убили друг друга. Мои друзья. Вот ты, например. – Ниязи пронзил моё солнечное сплетение пальцем, намереваясь взять в маркетинговую осаду.

– Я ему пойду! – взвизгнула Сайка.

– Ой?! – Ниязи умильно сложил ладошки, склонил голову набок и уставился на нас благословляющим взглядом. – Ты его девушка? Вот ему повезло. Никакой волейбол не нужен. – И он подмигнул ей не одним только глазом, но аж всей половиной лица. Я почувствовал, что моя прозрачная кожа неудержимо розовеет от злости. – Ну что, мужики... никто не берёт? Мне идти пора.

– Я возьму. – Эмиль, внезапно решившись, вытащил бумажник откуда-то из недр своего зада. Ниязи с невозмутимым видом забрал деньги и отдал один билет.

– Рад был познакомиться с вами. Прекрасная леди! – Эта мартышка схватила Сайку за руку и облобызала её. Сайка захихикала, идиотка такая. Будто я ей рук не целовал никогда.

Ниязи обратил к нам свою спину в анималистических пятнах пота и вроде как пошёл по своим делам, но потом резко обернулся и, щурясь на солнце, спросил:

– А что это за имя такое – Сайка?

– Саялы, – ответила моя дура и обворожительно улыбнулась.

Сайка у меня красивая, как супермодель, к тому же у неё неплохой голос. Её нежное сопрано выпекает мои brutальные и, надо признать, частенько халтурные тексты о смерти, воскрешении, борьбе и любви так торжественно и важно, что я невольно начинаю чувствовать себя очень крутым поэтом. Когда мы идём вместе по улице, держась за руки и громко переругиваясь (это когда она меня злит своей тупостью), одинокие сутулые девушки смотрят на неё с голодной ненавистью в выпученных карих глазах. У Сайки глаза светлые, почти прозрачные. Если она густо обводит их чёрным карандашом, становится вылитой лайкой. Когда наши отношения только зарождались, она бомбардировала меня роскошными признаниями в любви. А потом одно из них я случайно услышал в каком-то бабском фильме. Это открытие сделало меня очень бдительным, и

благодаря ему я нашёл ещё множество фильмов, которые она цитировала. Я стал настоящим специалистом в области мелодраматического кино – и всё из-за Сайки. Теперь, когда окошко нашей переписки затапливает ядовитый сироп красивых слов, я точно знаю, что это не она придумала, но ничего ей не говорю. Мне кажется, Сайкина неудержимая тяга к хаотичному цитированию – нечто вроде болезни типа синдрома Туретта. Или ей страшно, что кто-то решит, будто внутри она пустая, словно оболочка с трещиной на спине, которую оставляет после себя насекомое, превращаясь из нимфы в имаго.

В интернете Сайка ведёт себя так же. Как минимум раз в пару дней она выкладывает в Instagram своё селфи – или не селфи, а профессиональное фото, снятое другом-фотографом, неважно – сопровождаемое красивой цитатой, сюжетно никак с фотографией не связанной. Значка копирайта, ясное дело, не ставит, и большинство интеллектуально продвинутых индивидов думают, что Сайка – автор сих шедевров. Меня всё это бесит. Не то что она подрабатывает фотомodelью и подписчиков у неё в пять раз больше, чем друзей, – нет! Бесит, что цитаты, чёрт возьми, не связаны по смыслу с фотографиями! А так меня всё устраивает, приятно видеть, что у моей девушки много поклонников – а принадлежит она только мне.

Первым кандидатом в бойфренды Саялы был Эмиль. Это он заметил её на Facebook, каким-то образом напросился в друзья и вступил с ней в пространную переписку. Сайка потом показала мне её, и мы вместе посмеялись.

В вечер знакомства с Ниязи я, полупьяный, возвращался домой мимо разрушенных дореволюционных кварталов. Вытерпев полтора ужасных часа во влажном, словно тропический лес, автобусе – Сайкин дом у чёрта на рогах, но не сопроводить её в дороге, полной похотливых сатиров, обитателей общественного транспорта, было бы неразумно, – я наслаждался пустотой этой части города. Изредка, терзая улицу звуками жуткой местной пародии на музыку, мимо меня проезжала, хромая на все четыре колеса, какая-нибудь машина, полная таких же, как я, пьяных гуляк или ведомая нетвёрдой рукой одинокого ночного романтика. В общем, всё было спокойно. Проходя мимо жалких остатков стен, я вспоминал: здесь продавались старые, населённые жучками книги и жила собака. Где она теперь? А этот, в остальном ничем не примечательный дом украшал изумительный входной портал – весь в изящных каменных розах, я ещё думал: застану, как его сносят, обязательно деталь сопру для сестры-архитектора. Не застал.

Здесь совсем недавно исторические и архитектурные памятники стояли россыпью драгоценных камней, заляпанные раковыми опухолями пристроенных балконов, утратившие свой блеск от пренебрежительного обращения, ненужные даже своим жильцам. Здесь украшал улицу четырёхэтажный дом с атлантами. Теперь на его месте разобьют парк с чахлыми деревьями, которые через месяц высохнут на солнце. Парк, оцепеневший от мрамора, отполированного до зеркального блеска, – на такой больно смотреть летом и больно падать зимой. Я видел выброшенных на улицу атлантов. Поверженные титаны лежали навзничь, открытые жестокому солнцу и дикому ветру, но лица их оставались всё такими же невозмутимыми, словно и не был разрушен небесный свод, их могучие руки всё ещё пребывали в напряжении, поддерживая то, что уже никогда не будет восстановлено. Потом их куда-то увезли, вероятно, на базар органов, изъятых у мёртвых старых зданий.

Наверное, существуют призраки снесённых домов. Идёшь себе ночью в туалет в своей несуразной новостройке, нажравшись вечером какого-нибудь арбуза, и видишь – дверь не на месте и ведёт в несуществующую комнату, с арочными окнами, четырёхметровыми потолками и обоями в цветочек. Обои в цветочек – всегда не то, чем кажутся. На таких обязательно бывает один цветок, похожий на страшное лицо, которое тарачится на тебя, когда ты ложишься в постель и съёшь блудливые руки под одеяло.

Задумавшись об этом, во дворе моего дома, не добитого исполнительной властью старинного особняка, в известные времена расчленённого на мелкие квартирки без удобств, я чуть было не наступил на бросившуюся мне наперерез крысу. Раньше за ними такой наглости не наблюдалось. Мне даже показалось, что её хвост прошёлся по моей обуви в белоснежную кроссовку ноге. Дворовые кошки-тунеядки бездействовали. Я осветил телефоном ветхую дощатую лестницу, которая вела на длинный общий балкон, чтобы не навернуться на кривых ступенях в темноте, и в ответ мне засверкали три inferнальных кошачьих глаза. Четвёртый глаз был утерян в бою.

– Дармоеды, – пробормотал я, невольно содрогнувшись, и тихо проскользнул в квартиру.

Уже засыпая, я услышал привычный скрип открывающихся створок старого платяного шкафа в моей спальне. Через минуту на кухне полилась вода и робко зазвенела посуда в раковине. До нашей семьи здесь жила одинокая женщина, которая умерла, когда я ещё витал, развоплощённый, в пространстве, выбирая

себе чрево, как учит Бардо Тодол, тибетская Книга Мёртвых (почему я не выбрал родиться где-нибудь в Швейцарии?!), да так и осталась здесь, не понимая, что посторонние люди делают у неё в доме, но каждую ночь покорно мыла за нами посуду, благодаря чему мать и сестра до сих пор не напустили на неё всяких мулл и бабок. По-моему, с их стороны это подлость.

Утром мама пыталась отговорить меня от запланированной поездки на дачу к Мике (он у нас единственный, у кого есть дача, землевладелец, помещик Михаил). Моя мама никогда не может удержаться от попыток испортить мне выходные.

– Ты и так не работаешь. На кой ляд тебе выходные? – нудила она в то жаркое субботнее утро. Это неправда, я работаю, просто я – фрилансер. Но ей бесполезно объяснять. Мама думает, что если человек не сидит, скрючившись, за компьютером с девяти до шести, с унижительным часовым перерывом на жалкую трапезу, то он, стало быть, не работает. Все унылые отпрыски её коллег, которыми они так гордятся, именно таким образом и существуют.

– Зато Мика работает. И соответственно на дачу его мы можем поехать только в выходные. – Мой голос был твёрд, суров и мужественен.

– Но у меня вчера было такое ужасное давление!

– Высокое? – беспокоился я.

– Нет, не высокое. Просто... ужасное.

Я решил, что с меня хватит.

– У тебя есть дочь, она всё равно все выходные просидит дома.

– Ты это о чём? – Хриплый и тихий, но уже таящий в себе угрозу голос оповестил меня о пробуждении сестры, услышавшей мою последнюю реплику, которая, вне всякого сомнения, напомнила ей о том, что она – никому не нужная старая дева. Её возмездие мне сейчас было ни к чему, поэтому я подхватил гитару и выбежал из дома.

Мика подобрал меня, бредущего по мёртвому белокаменному Зимнему саду с закинутым за спину единственным моим достоянием – гитарой (имя её – Сиринга, и да – я выпендрёжник). Плавки для пляжа я благоразумно надел под джинсы, чтобы не возиться на берегу с переодеваниями. Усевшись на переднее сиденье, я пристроил Сирингу между ног, словно карликовую виолончель.

Мика был единственным из нас, кто имел не только дачу (вообще-то две дачи: старую, которую пощадили ради прекрасного фруктового сада, и новую, с двухэтажным домом и бассейном), но и свою собственную машину. Он – сын богатеньких родителей, наш Мика, да и сам неплохо зарабатывает. Я всегда знал, что группа Death and Resurrection вместе со всей её музыкой была для него просто развлечением, способом убедить себя и других, что он – творческая личность, а в будущем он станет толстомордым мужиком без возраста, зато в костюме и на большой машине, и жена его будет скучной и корыстной. Ну а пока мне, главному, так сказать, поршню, толкающему вперёд творческую жизнь нашей команды, было выгодно пользоваться мелкими удобствами, которые он предоставлял. В одной из комнат его старого дачного домика мы устроили студию звукозаписи. Вообще-то до зимы этого года студия находилась в его городской квартире, но потом предки взбрыкнули и нам пришлось перебраться в никому не нужный ветхий дом на даче.

– Сейчас заедем за Джонни, потом за Эмилем, а потом за Сайкой, – объявил Мика. Я с ужасом понял, что при таком раскладе Сайка будет сидеть рядом с Эмилем. Разумеется, я не опасался за свой череп, ещё не потревоженный ростом рогов, – Сайка отшила Эмиля давным-давно, почти сразу после того, как они начали переписываться. Но сам факт, что они будут сидеть сзади бедром к бедру, напрягал.

Всю дорогу Эмиль зудел. Джонни пытался курить, неистовый ветер заталкивал дым обратно в машину. Придерживающийся здорового образа жизни Эмиль театрально кашлял. Его негодующий кашель и гневные взгляды в сторону курильщика изумительно сочетались с футболкой, на которой готическим шрифтом утверждалось, что «I love violence». Эмилевская любовь к насилию, вероятно, проявилась во всю свою мощь, когда он всё-таки заставил Джонни избавиться от сигареты.

– Эмиль, тебе надо было не в рок-группе играть, а петь в церковном хоре, – не удержался я от ехидного комментария.

– Пошёл ты! – кажется, моя ненависть взаимна. – У меня нет денег всю жизнь потом лечиться.

– Это пока их нет. Скоро будут, когда выпустим альбом. – Оптимистичный, как большинство благополучных от рождения людей, Мика попытался наладить отношения в группе.

– Смотри на дорогу, блин! – рявкнул Эмиль.

Пару раз он звал Сайку на свидание, она ломалась и отказывалась, а потом, когда встреча всё же состоялась, он сразу проявил свои лучшие качества: занудство, необоснованное самодовольство и склонность к морализаторству. Сайка продолжила переписываться с ним – отчасти из вежливости, отчасти, по её признанию, из надежды подобраться через него ко мне, красавцу. Однажды она выставила новые фотографии, которые делает для неё друг-фотограф (он и правда только друг, я проверил) – в шифоновом платье до пят. В тот вечер Эмиль закидал её сообщениями, требуя объяснить, зачем такие «вызывающие» фотографии. «Ты что, начала новый призыв?» – написал он. Я видел эти «вызывающие» фотки – они ничем не отличаются от обычных рекламных снимков из модных журналов, и Сайка на них выглядит не более откровенно, чем пластмассовые плечики, на которых висит платье. Но Эмиль, у которого в голове варится и уже начинает подгорать межкультурная каша, счёл иначе. Тоже мне, панк хренов. Девственник и вегетарианец.

Дорога между четырёхметровыми каменными заборами, за которыми могли скрываться чиновничьи дворцы, трущобы, возведённые местными жителями, полигоны для испытания космических ракет, порталы в другие миры, – дорога разветвилась и истончилась, как конец секущегося волоса, начала кружить и петлять и превратилась в просёлочную, в колдобинах, укутанную густой жёлтой пылью. По обочине плелась, тряся облезлым задом с хвостом-улиткой, собака. Когда мы проезжали мимо, она косо поглядела на нас, явно думая нехорошее. Мы миновали несколько заборов с надписями типа «Того, кто мусор здесь сваливает, я маму имел» и мусорными кучами под ними. Один раз я обернулся на старинную «Волгу», пухлую и красивую, которая приткнулась у забора и была в очень запущенном состоянии. Кто-то похитил накапотного оленя. Жаль, что не я.

Трясаясь, мы въехали во двор дачи и остановились. Я первым вылез из машины и вдохнул загородный воздух. Кругом стояла благодатная тишина. Спрятавшись от солнца на окружающей дом веранде, опутанной виноградником, я ждал, пока

остальные насуетятся всласть, перетаскивая вещи из багажника. Когда хибарка, построенная ещё во времена Микиного прадедушки, была откупорена после нескольких холодных месяцев, изнутри потянуло приятным запахом сырости и прохладным воздухом. Я вошёл в дом, и на меня навалилось сонное дачное безмолвие. По стене с осыпающейся штукатуркой пробежала испуганная нами ящерка.

Это была настоящая, традиционная апшеронская дача, с плоской крышей, маленькими тёмными комнатами и совершенно особенной магией лета, солнца, моря и деревьев: граната, миндаля, инжира. Мика был бы рад устроить нас в новом дачном доме, но тут я был согласен с его родителями – правда, они считали, что новая дача для нас слишком хороша, я же решил, что она ужасна: почти весь участок выложен уродливой плиткой, а из развлечений – только кондиционированный воздух да хлорированная вода в бассейне.

Мне хотелось как можно скорее оказаться на море, но остальные, с трудом проснувшись утром и не успевшие позавтракать, устроили возню с чайником, горячим тендиром, копчёной колбасой и ещё чёрт знает с чем. Пока они там суетились вокруг стола, мешая друг другу, я лежал на кушетке, закинув руки за голову, а друзья бросали на меня укоризненные взгляды, впрочем, не пробивавшие мою броню.

Обстоятельный завтрак занял не меньше сорока минут, и когда мы вышли на дорогу к морю, солнце успело забраться довольно высоко. По словам Мики, дорога должна была за пятнадцать минут вывести нас напрямую к дикому пляжу. Я удивился, услышав про дикий пляж; мне казалось, что всё побережье давным-давно захвачено, нарезано на куцые, нагоняющие клаустрофобию куски, перегорожено и застроено ресторанами. Но, судя по дороге, пляж и правда мог оказаться диким. Большая часть участков были заброшены. Кое-где попадались старые полуразвалившиеся дома. На некоторых участках не было даже домов – только сорняки да крадущиеся, припадающие к земле виноградники.

Через десять минут дорогу нам куртиной перегородил чей-то забор. Мика клялся, что его здесь раньше не было и по закону быть не могло. Нам пришлось сделать крюк, а потом и вовсе идти через один из заброшенных участков по колючкам. Сайка всю дорогу ныла, теряла шлёпанцы и просилась на руки. Сжалившись, я посадил её себе на закорки.

Наконец показались шелковистые, блестящие песчаные дюны, поросшие серо-зелёными «заячьими ушами». Границу между дорогой и дюнами охраняли странные останки индустриальных сооружений – какие-то широченные короткие трубы, уложенные на манер олимпийских колец, похожие на зловещие бетонные соты гигантских пчёл-мутантов. Слева от труб лунным кратером зарылся в песок огромный, метра четыре в диаметре, колодец. Удивительно, но никого, кроме меня, этот колодец не заинтересовал. Они так и прошли мимо, не взглянув в его сторону, опустив головы к раскалённому песку. Я осторожно подкрался к колодцу и слегка наклонился над ним, но дна не увидел. Я наклонился ещё больше, но дна всё ещё не было видно. Тогда, собравшись с духом, я наклонился совсем низко и, обмирая, увидел далеко внизу чёрную воду. В этой воде могло плавать всё что угодно. Из колодца странно пахло, кажется, серой.

– Сайка, иди сюда! – позвал я, и эхо из колодца многократно усилило мой зов – «Иди сюда! Иди сюда!». Сайка неохотно вернулась, удивляясь, зачем это я остановился. Я предложил ей заглянуть в колодец. Она боялась и отказывалась, но в итоге согласилась, при условии что я подержу её.

– Ой! Это жесть какая-то, – сказала Сайка, нагнувшись над этой бездной, и вдруг с её шеи соскользнула золотая цепочка с кулоном, которую я подарил ей на Новый год, и улетела прямо в воду. То было особое украшение, заказанное мною у ювелира: замысловато переплетённые N и S – первые буквы наших имён. Послышался громкий всплеск, а вслед за ним – я готов поклясться, что слышал его, – тихий смех, раздавшийся из колодца. Сайка немедленно устроила истерику по поводу утерянного сокровища.

– Не переживай ты так, – утешал я её, сильно озадаченный услышанным (или слышавшимся?) смехом. – Куплю я тебе новую цепочку, и кулон закажу ещё лучше.

Она так и дулась на меня остаток пути, но, увидев море, мы забыли и о колодце, и о цепочке, и обо всём на свете.

Время до обеда пролетело приятно и незаметно. Побережье ещё не успели замусорить до такого состояния, когда некуда бывает поставить ногу: пляжный сезон начался не так давно, да и место было не слишком посещаемым. Мы с Сайкой гуляли вдоль линии прибоя и искали в выброшенном морем мусоре отшлифованные осколки стекла, но, к сожалению, так ни одного и не нашли. Джонни курил, сколько хотел. Эмиль сильно обгорел на солнце и отказался от

крема заботливой Сайки, заявив, что лучшее средство от солнечного ожога – спирт. Со сладостным томлением я предвкушал, как этот остолоп намажется жгучим иссушающим этанолом. В общем, удачный выдался денёк.

Вернувшись, мы развесили свои купальные одежды на веранде для просушки, разорвали несколько пачек чипсов, запили их пивом и сели репетировать.

В шесть часов Сайка спохватилась, что купальник может выгореть на солнце, и отправилась спасать его. Через минуту она вернулась, с растерянным лицом и без купальника.

– Чуваки, наши трусы пропали, – ненавижу, когда она разговаривает так.

– Что значит – пропали? – глупо спросил Эмиль.

– Их нет. Сами посмотрите.

Мы высыпали на веранду. Там, где должны были висеть наши плавки и купальник, осталась только виноградная лоза, и вид она имела виноватый.

– Пиршагинские фетишисты сп.....и наши трусы. – Джонни радостно загоготал, я тоже расфыркался: ну смешно же, правда!

– У кого трусы, а у кого панталоны, – сказал я, намекая на Мику и Эмиля, которые купались в шортах до колен.

– Ай да, мозги не делай! Надо их найти. – Мика влез на невысокий забор и оглядел территорию, поворачивая голову туда-сюда, как дозорный на сторожевой башне.

– На х... тебе? – сварливо спросил Джонни. – Это просто шорты.

– Да-да, – поддержал я лучшего друга, – если кто-то ими соблазнился – ему же хуже.

– Ну нет! Я свой купальник по интернету заказывала и месяц ждала, пока придёт. Здесь такие вообще не продаются! Найдите вора!

– Сайка! Если даже вор и оставил на земле свои следы, то мы их уже затоптали, – я вспыхнул. – А других улик у нас нет!

Джонни воспользовался драматизмом ситуации и закурил. Пуская нам в лица ультрамариновые клубы табачного дыма в духе неонуара, он подумал и выдал неожиданно здравую идею:

– Давайте зае...им объявление и прих...им на ворота. Не думаю, что кому-то могли понадобиться наши вещи. Что с ними делать? Трусы даже у нищеё...в есть, продать их не получится. Это, наверное, кто-то прикалывается. Соседи.

– Те соседи, – Мика махнул рукой в сторону изрядно безвкусной постройки за забором, – не знают, что такое «прикалываться». Остальных я вообще не знаю. Они вылезают только по ночам.

– Скажи ещё – только в полнолуние, – хмыкнул я.

Мы ещё немного поискали по участку наши тряпки, на тот случай, если их унёс ветер, но нашли только нескольких черепах, прятавшихся в винограднике.

– А давайте зае...им черепаховый суп, – предложил Джонни. Люблю моего друга за жестокость. Думаю, если бы мы застряли тут, на даче, без возможности выбраться и добыть еды, он бы запросто вскрыл этих бедняг и состряпал суп. А потом принялся бы за улиток. А потом и за нас. Первым – Эмиля.

Так как это казалось единственным выходом, мы всё-таки написали и вывесили на ворота объявление со смиренной просьбой вернуть похищенное – свидетельство нашего позора. Затем мы долго репетировали, несколько раз поссорились по поводу звучания, я наорал на Сайку, потому что она пела не так, как мне хотелось. Сайка расплакалась и убежала в спальню, где теснились три старые железные кровати, застеленные одеялами с запахом бараньей шерсти. Мне пришлось пойти за ней и утешать её в прохладной затенённой комнате под низким серым потолком, до которого я мог дотянуться рукой.

Работа над альбомом продолжалась до заката. Понаблюдав, как люминесцентно-оранжевое солнце проваливается за дачные заборы, мы ощутили, что питательное действие чипсов и пива закончилось и надо отправить кого-то за

едой. Выбор пал на Мику, как на владельца автомобиля, и Сайку, как на единственную женщину, хотя не думаю, что она может отличить один конец скалки от другого...

Пока они там шопились, Эмиль завис в телефоне, а мы с Джонни картинно уселись на заборе, поджидая супергероя, который вернёт нам плавки и купальник.

- Завтра в «Энергетике» будет white party, - просветил нас зачем-то Эмиль.

- Спасибо, б...ь, - желчно ответил Джонни, - а теперь избавь мой мозг от этой лишней х...ни!

- И процентов сорок людей, конечно, придут не в белом, - сказал я. - И их, конечно, впустят.

- Это будут чьи-то племянники, - сказал Джонни. - И чьи-то б...и. Бля, ну и жара! Я пошёл однажды на хеллоуинскую вечеринку. Это ё...й позор, конечно, у некоторых здесь лица поу...щнее маски какого-нибудь зомби. Но всё равно чувствовал себя как п...юк в костюме. Остальные без костюмов припёрлись.

- Ты в костюме кого был? - поинтересовался Эмиль, не отрывая глаз от экрана телефона.

- Вампира.

- Да ты оригинал! - подколот я его.

- Пошёл на...! Почему, вот почему наш народ думает, что правила не для него?!

- Останови это. - Я сделал серьёзное лицо. - Пойди завтра на эту вечеринку и покажи этим засранцам, что такое настоящий белый цвет! Я уже вижу заголовки статей: «Террорист-перфекционист ворвался на white party и расстрелял всех, кто не был в белом».

- Мне нравится. Идея просто зае...сь! Только мне не из чего стрелять.

– Можешь взять нож, не в этом суть. Главное – принцип.

– Чувак, ты меня пугаешь, – сказал Эмиль.

– А ты сиди-сиди в своём телефоне, не отвлекайся! – посоветовал я.

– Что ты докопался до моего телефона?! – вспылил Эмиль.

– Да так, ничего. – Я демонически расхохотался, всполошив маленького удода, который скакал по земле и охотился на жуков-навозников.

Меня развеселила одна история, которую я вдруг вспомнил и которая, на мой взгляд, является отражением сущности не только Эмиля, но всего нашего безнадёжного поколения в целом.

Пришёл я как-то раз к нему на работу настраивать компьютер. Надо отдать ему должное, позвал он именно меня, а мог бы кого-нибудь другого. Но он предпочёл дать заработать мне, за что ему, конечно, спасибо. Ходила у них там по офису одна сотрудница, так, ничего себе красотка, не в моём вкусе, конечно, роста маленького, но на каблуках, вся такая фигуристая, с длинными распущенными волосами – в общем, понравиться может, не серая мышь. Я копался в компьютере Эмиля, а он в это время в сторонке на диване в телефоне зависал. А девушка эта, которая рядом ходила, вдруг уронила что-то. Прямо Эмилю под диван. Безделушку какую-то, может, серёжку. Ну, она и присела на корточки, чтобы её поднять. Так как вещица укатилась далеко под диван, ей пришлось довольно долго там рукой шарить, а юбка на ней была с запахом. Который, разумеется, когда она присела, немедленно распахнулся. Все бёдра у неё оголились до самых трусов, и прошло довольно много времени, прежде чем она это заметила. А Эмиль, под носом которого развернулось это эротическое шоу, продолжал тихо-мирно втыкать в экран своего смартфона. Я подумал: даже если девушка сейчас устроит здесь танцы со стриптизом, Эмиль, поглощённый лайканьем фотографий размазанных по тарелкам объедков и мутных туалетных селфи, не заметит этого.

Я никогда не рассказывал Эмилю эту историю: он начал бы врать, что на самом деле всё видел, просто, как порядочный человек, притворился, что не смотрит, дабы не смущать сотрудницу. Но я сожру свою гитару, если это действительно так.

Вернулись Сайка и Мика, таща кульки с продуктами, среди них – размягчившееся за время транспортировки мороженое, которое мы сразу же прикончили, потому что холодильника на даче не было (о, дивная дикость, простота, навсегда утраченная нашим временем!).

– Что за дьявольская жара, – сказал я, глядя в дрожащую чёрную глубину фруктового сада.

– Дальше вообще п...ц будет, – пессимистично заметил Джонни.

– Я когда был маленький, – пустился в воспоминания Мика, – мы проводили на даче такой обряд. Чтобы прохладно стало и ветер северный подул. Надо, чтобы его проводил первый ребёнок в семье. Я это всегда делал.

– И как, помогало? – лениво поинтересовалась Сайка.

– Не помню.

– Проведи его снова, вдруг подействует, – предложил Эмиль.

– Ни х..., – категорично заявил Джонни.

– А что надо делать? – спросил я.

– Надо потрясти инжир за веточку и сказать заклинание.

– Ну так давай, – поторопил его я, потому что мне было интересно посмотреть, как Мика будет на полном серьёзе совершать какой-то древний народный ритуал.

– Да это всё глупости э...

– Тряси дерево, ё...ный первенец! – заорал Джонни. Мика испуганно подскочил к ближайшему инжиру, схватился за ветвь и начал трясти, приговаривая:

– Мян анамын илькиям, агзы гара тюлькюям. Гилавар гед, хязри гяль![1 - Я у мамы первенец, я – черноротая лисичка. Уйди, южный ветер, приди, северный! (азерб.)]

– И это всё? – разочарованно спросила Сайка.

– А что ты хотела, – ответил я, – чтобы он зарезал петуха и умылся его кровью?

– Не знаю... Я...

– Колдуете?! – перебил её откуда-то с неба глубокий низкий голос. Мы все вскочили на ноги.

В конус света единственного фонаря веранды вступила тёмная фигура, принадлежавшая Ниязи.

– Вдруг откуда ни возьмись появился в рот е...сь! – тихо прокомментировал Джонни.

– Чувак... – потрясённо прошептал Мика. – Ты что здесь делаешь?

– Я через забор перелез. У друзей на даче был. Прекрасный вечер, господа! Леди... – Ниязи, пользуясь нашим смятением, вызванным его внезапным появлением, снова вlepил руке Сайки смачный поцелуй. – Я принёс вам дары!

И он протянул нам свёрток тряпья, в котором мы узнали свои плавательные одеяния.

– Ты на х... их сп...л?! – крикнул Джонни, надвигаясь на Ниязи. Тот вздрогнул всем телом, словно от звука железа по стеклу, и выкрикнул:

– Не смей материться при мне! – И, тут же успокоившись, спросил: – Что, смешно не было?

– Нет! – сказала Сайка.

- А вот мне - было, - отрезал Ниязи. - Ваше объявление на заборе - это прямо дипломатическая нота какая-то. Есть что?

Мы в недоумении переглянулись.

- Это он о еде, - пояснил Мика.

Ниязи уже и сам обнаружил наш провиант и теперь жадно уничтожал его, совсем как куница в птичьем гнезде.

- Не, ну ваще... - Эмиль только сейчас нашёл что сказать, - мало того, что воровство, а теперь жрёт нашу еду...

- Друзья тебя не кормили? - спросила Сайка.

- А я про запас ем, - туманно ответил неожиданный гость.

Мы сгрудились вокруг шумно поедающего наши продукты Ниязи, как будто бы он был потенциально опасным пришельцем, который пока вроде ведёт себя дружелюбно, но от которого можно ожидать чего угодно. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление.

Поев, он довольно оглядел нас и объявил:

- Теперь, когда ваши вещи так удачно вернулись к вам, можно пойти купаться!

- Мы вообще-то приехали репетировать, - пробормотал я, терзаясь нехорошими предчувствиями.

- Нет, я хочу купаться! - воскликнула Сайка. - Я никогда не залезала в море ночью.

- В таком случае приготовься получить потрясающий опыт! - Ниязи возбуждённо затанцевал на месте.

– Тебя твои друзья не ждут? – поинтересовался я, придав голосу как можно больше настойчивости. Ниязи посмотрел на меня, как мне показалось, с беспощадной насмешкой.

– Нет, не ждут. Меня нигде не ждут.

– Ты профессиональный габырга[2 - Незванный гость (азерб.)], да-а, – сказал Мика. Ниязи только хихикнул.

Пришлось мне, стиснув зубы, натянуть на себя затвердевшие от соли и солнца плавки и повторить нелёгкий путь к морю вместе с Сайкой и всеми остальными. В этот раз мы пошли в обход, чтобы избежать заброшенных участков и песчаных дюн, где в темноте вообще не пройдёшь. Стараясь отвлечься от бессмысленной трескотни, которую развела моя дура на пару с Ниязи, я предавался мечтаниям о том, какой закачу ей скандал, как только мы окажемся одни. Потом ко мне сбоку пристроился Мика и начал заговорщицки шептать:

– Ты будь поосторожнее с Ниязи. Он забавный, но отмороженный на всю голову. Мы с ним однажды в аптеку зашли, маленькую такую, и там халашка такая с усами за прилавком стоит. Ниязи к этой халашке подошёл и говорит: «Мне с самым приятным вкусом презервативы нужны, какие посоветуете?» Ой, эта тётка как орала! Выгнала нас с криками. Даже люди сбежались. Такой биабырчылыг[3 - Позор (азерб.)] был.

Я засмеялся, а Мика продолжал:

– Знаешь, что он однажды сделал, когда мы в Германии были?

– И представить себе не могу, – весело ответил я.

– Я ему сказал, что в общественном транспорте зайцем лучше не ездить – если поймают, будет огромный штраф. Он устроил настоящую охоту на контролёров! Целыми днями ездил на электричке, ещё и меня с собой таскал. Мы потратили кучу денег на билеты. И он их дождался! Контролёров. Они вошли в вагон, и тут этот балгабаг[4 - Дословно – тыква, перен. – дебил (азерб.)] бросился бежать! Они, разумеется, за ним! А электричка – она же длинная! Бежит Ниязи, за ним бегут контролёры, а за ними бегу я. И когда электричка кончилась и они его припёрли к стене и, значит, торжествуют, что поймали и сейчас хорошенько его

поймут, что делает этот Ниязи?

- Что же делает Ниязи?

- Торжественно предъявляет им свой билет!

В очередной раз меня разобрал смех:

- Ой, блин, ну и ну! И что они сказали?

- А что они могли сказать? Человек захотел пробежаться и пробежался. Он не нарушал закон, и вообще... Ты понял, да? Он весь такой. Совсем башдан хараб![5

- Больной на голову (азерб.).]

- А по-моему, это была очень удачная шутка, - возразил я, внезапно проникнувшись к Ниязи тёплыми чувствами. - А откуда ты его, кстати, знаешь?

- Это мы в Кёльне на рейве познакомились. Представь - огромное помещение, старый завод или склад, не помню, там куча обкуренных фриков с разноцветными волосами, вся эта толпа прыгает под музыку, а этот гагаш[6 - Парень (азерб.).] стоит в самом центре вот этого басабаса[7 - Толкотни (азерб.).] и не двигается. Я его заметил, удивился, он вообще не вписывался. А он это... как будто почувствовал, что я на него смотрю. Повернулся и уставился на меня в ответ. Мне не по себе стало, а он подошёл и сразу со мной по-азербайджански заговорил. Сказал, что сразу по моему виду просёк, что я из Баку, и что он тоже. Странное совпадение. И как-то мы так начали общаться. Правда, после Германии я его не видел. И хорошо, что не видел. Честно, меня в нём что-то напрягает.

- Да нормальный мужик, что ты?

- Может быть, - кисло ответил Мика. - Ня ися[8 - В общем, как бы то ни было (азерб.).] за Сайкой смотри.

Я поглядел на неё. Гладенькая и обтекаемая, как дельфин, она плескалась на мелководье, зазывая нас в море. Ниязи стащил с себя одежду, обнажив чрезвычайно волосатое тощее тело в каких-то ситцевых трусах, и шумно вбежал в воду, поднимая фонтаны брызг. Море в темноте показалось мне совсем не

таким весёлым и приветливым, как при свете солнца. Стало заметно прохладнее, южный ветер улёгся, заколдованный инжировым обрядом, а с севера то и дело налетали порывы холодного воздуха. Я осторожно попробовал воду ногой, и она показалась мне неправдоподобно ледяной. Даже если бы сейчас ударил сорокаградусный мороз, море всё равно не успело бы отдать так быстро накопленное за день тепло. Остальные ничего и не заметили. Зависть распирала меня, когда я наблюдал за их весельем в воде. После нескольких неудачных попыток присоединиться к ним я, весь покрытый гусиной кожей, позорно замотался в полотенце и сел на колючий, как толчёное стекло, песок. Взял Сайкин айфон и от нечего делать влез в свой Facebook. Накануне я отправил запросы некоторым своим френдам, чтобы они лайкнули страничку нашей группы Death and Resurrection. Друзей было человек сорок. Только трое меня поддержали, и то, подозреваю, потому что были поклонниками Сайки, и поклонялись они отнюдь не её голосу.

Айфон полетел на песок. Я, конечно, не ожидал, что в нашей стране жанр музыки, которую мы исполняем, будет пользоваться бешеной популярностью, и приглашений в качестве музыкантов на свадьбы я не ждал. Но некоторые могли бы лайкнуть мою страницу хотя бы из вежливости, чтобы поддержать нас. Друзья-призраки, они добавились ко мне сами – для того чтобы больше никак не проявить себя, повиснуть мёртвым грузом в моём френдлисте да периодически украшать мою ленту новостей перепостами фотографий и видео драк в автобусах, расстрелянных собак и поражённых гангреной конечностей, под которыми можно вдоволь покурахтаться о том, куда катится человечество. Уже десятки тысяч лет катится, с тех пор как появилось.

Один из распространённых типажей пользователя социальных сетей – Злобный Комментатор. Персонаж, ужаленный в самую нежную попу своей души. Эти люди, по моему глубокому убеждению, не понаслышке знают, что такое амок[9 - Амок – состояние неконтролируемого бешенства.]. Он овладевает ими всякий раз, когда они сталкиваются в интернете с уникальной и беспрецедентной, как им кажется, несправедливостью. Они начинают проклинать, угрожать, порицать и позорить провинившихся ещё до того, как вникнут в суть ситуации. Хотя до вникания дело обычно и не доходит. Отплевавшись отведённой природой им на один раз порцией яда, они успокаиваются и пожинают плоды лайков и одобрительных комментариев других, так сказать, бета-комментаторов. Они искренне пытаются установить мнимую сетевую справедливость, извергая из себя потоки желчи по любому вопросу – от политики и религии до внешности местных «звёзд» шоу-бизнеса, но на самом деле они лишь множат ненависть. Они – фанаты смертной казни и самосуда. Живя в своём особом, двухмерном

мире, где вещи не имеют объёма, а предметы для каждого его обитателя выглядят исключительно как точки или отрезки, неистовые сеятели Своего Мнения судят других за чувства, которых сами никогда не испытывали, за поступки, на которые сами никогда бы не отважились. Как напуганные осьминоги, они изрыгают чернильное пятно гнева и осуждения, когда происходит нечто, выходящее за грань их разумения. Взять хотя бы недавнюю историю: юноша зарезал любимую девушку за то, что она по велению родителей собралась выйти замуж за своего двоюродного брата. В каком пароксизме морализаторства билась вся интернет-биомасса! Событие, ничем, по сути, не примечательное, не осветили только слепые и мёртвые, и обсуждение новости вылилось чуть ли не в гражданскую войну. Адепты «менталитета» и «традиций», серые, некрасивые, забытые существа, которые, услышав слово «секс», испуганно, словно десятилетки, хихикают, оглядываясь на стоящего за ними с кошкой-девятихвосткой Бога – эти осудили распутную девку, имевшую наглость делать маникюр и встречаться с парнем до замужества. Убита – так ей! Сама виновата! Будет для других уроком! Воины света и просвещения – те, что выглядят разнообразно и даже могут позволить себе ругаться матом, если захотят, – они кричали об ущемлении прав женщин, о измененных инстинктах проклятого убийцы, о деспотичных родителях и близкородственных браках. И столкнулись два войска в сече клавиатурной, и много нервных клеток полегло в битве той, и много личностей было оскорблено. И не нашёлся ни один герой, который примирил бы врагов, сказав им: «О чём вы спорите? Эта история стара, как мир! Разбитое сердце, кинжалом пронзённая неверная возлюбленная. Когда вы читаете об этом в книгах, вы восхищаетесь – ах, какая любовь, какие страсти! Почему же, когда такие страсти происходят с вашим соседом, вы не завидуете (Вот бы меня кто-нибудь так смертельно любил!), а осуждаете и препарируете эту трагичную, в лучших традициях Шекспира и Проспера Мериме, историю, как в анатомическом театре?» Нет, никто этого не сказал – нормальным людям недосуг лезть в скопище сознательных граждан-комментаторов. Человек определённого психического склада может получить некоторое извращённое удовольствие, перечитывая комментарии этих фурий, а больше они ни на что не годятся.

У меня была пара-тройка таких в друзьях, но я их вскоре удалил с мысленной формулировкой: «За вонь в сети».

Со стороны моря доносились какие-то крики и русалочий хохот Сайки – кажется, Ниязи швырялся комками мохнатых водорослей, похожих на снятые скальпы, в Эмиля, а тот пытался поймать его и отомстить.

Мне стало совсем холодно и паршиво. Я начал представлять себе, что Сайка уже бросила меня и я распустил группу и остался один на всей Земле, никто меня не замечает. И работу тоже не предлагают. Но пожалеть себя всласть мне не дали: Ниязи выбрался из моря и уселся рядом со мной.

- Ты чего в воду не залез?

- Наплавался уже днём.

- А что без настроения?

И тут вдруг мне захотелось излить Ниязи душу.

- Я вот думаю - а зачем всё это? Репетиции, нервы, расходы. Кому мы нужны? Кто нас слушает? Ты вот слушаешь метал?

- Нет, по-моему, это не музыка, а шлак, оставшийся после извлечения полезной руды настоящей музыки из горной породы шума, - ответил Ниязи с вызвавшей у меня зависть метафоричной витиеватостью. - Так орут, что даже слов разобрать нельзя. И вы это играете? Для кого? Кто вас тут слушает?

- Ты про death-metal сейчас говоришь. Это там гроулинг. - И, немного смущаясь, я признался: - Мы тоже с этого начинали, но потом поменяли стиль. Сейчас у нас поёт Сайка.

- Хорошо поёт?

- Да. А я пишу тексты и музыку.

- И Мика всё это спонсирует, - проницательно заметил Ниязи.

- Два раза в неделю мы играем в Finnegans. Не свои песни, конечно, а всякие известные хиты.

- По каким дням? Я хочу прийти послушать, - оживился мой собеседник.

- В среду будем. Начинаем в восемь.

- О'кей, я приду. Слушай, по-моему, северный ветер подул.

- Наверное, обряд подействовал.

- Что теперь будем делать? - Сайка подошла к нам и выжала воду из своих волос прямо мне на колени. - Холодно стало.

- Давайте разожжём костёр, - предложил Ниязи.

- Из чего? - Эмиль явно не пришёл в восторг от этой идеи.

- Разожжём костёр из наших утраченных надежд, - сказал я. Сайка посмотрела на меня сочувствующим взглядом, но то не было сочувствие разумного существа собрату по разуму, скорее это было сочувствие психически здорового человека психически нездоровому. Я всегда знал, что она для меня простовата. Ну и что? Зато красивая, да ещё и страстная. И я - единственный в нашей команде, у кого есть девушка.

- Тут есть одна дача, там пилили деревья, и ещё куча строительного мусора, - сказал Ниязи.

- А ты успел все участки обшарить? - Джонни в восхищении поднял брови.

- Очевидно, - невозмутимо ответил Ниязи.

Как-то так само собой получилось, что все мы, отчаянно хотевшие укрыться от внезапно напавшего холода в доме, покорно последовали за Ниязи, как дети города Гамельна за крысоловом. В заборе одной из строящихся дач обнаружилась дыра, сквозь которую мы попали на участок.

- Только тихо, не шумите, - скомандовал Ниязи.

- Сайка, стой здесь, - приказал я, устанавливая свою возлюбленную у входа.

– Давайте быстрее, холодно, – пожаловалась она своим капризным голосом, который у меня, в зависимости от настроения, вызывал то умиление, то раздражение. Сейчас я был склонен ко второму, потому что в глубине души мне хотелось разжечь огромный костёр на берегу моря. И почему Сайке этого не хотелось? Оно же, чёрт подери, так романтично! Кроме того, костёр согрел бы нас лучше, чем стены дачного домика.

Словно группа диверсантов-ниндзя, мы бесшумно разбежались по разным углам участка в поисках горючего материала. Один раз Эмиль наступил на какую-то арматуру и завопил, вызвав лёгкий переполох с последующим словесным линчеванием (а Джонни даже ткнул его кулаком под рёбра). Я нашёл большую ветвь не опознанного мною дерева, такую сочную, что гореть в костре она вряд ли стала бы, но я всё равно её прихватил из жадности. Ниязи разыскал охапку досок, Эмиль вернулся к дыре в заборе, волоча за собой картонные коробки. Джонни стоял возле Сайки и курил.

– Где Мика? – спросил Эмиль.

– Не знаю, – отозвался Ниязи и заорал изо всех сил: – Мика!!!

– ...твою мать! – Джонни чуть не выронил сигарету. – Сам же говорил, что нельзя шуметь.

– Я пошутил. И ты не делал ничего такого с моей матерью. И если ты ещё раз при мне используешь ненормативную лексику – я... я больше не буду с вами дружить. Мика!!!

Мы прислушались, и до нас донёсся тихий и жалобный стон:

– Я здесь...

– Ну и где он? – скорчился Эмиль.

– П...те на запах денег, – съехидничал Джонни, проигнорировав страшное предупреждение Ниязи.

Подсвечивая себе дорогу Сайкиным айфоном, я направился в ту сторону, откуда раздавался голос Мики. А звучал он всё жалобнее и жалобнее:

- Чуваки! Помогите мне!

Над моей головой, едва не задев макушку, пронеслась перепуганная летучая мышь. Я и сам испугался. И меня совсем не успокоил вид двух глаз, тускло сверкавших белками откуда-то из-под земли.

- Я здесь! - пискнул Мика. - Провалился в яму.

- А чего не вылез? - тупо спросил я, ещё не отойдя от шока.

- Здесь что-то налито. Какая-то грязь. Я застрял. И, кажется, погружаюсь.

Тут подоспели остальные. Увидев Мику в яме с непонятной жижей, Ниязи предался исступлённому веселью, почти падая на колени от хохота, поэтому помощи от него в спасении Мики не было никакой. Тут и пригодилась моя веточка - трогать Мику руками никто не рискнул. Когда мы его вытащили и он выпрямился перед нами во весь рост, замазанный чёрной грязью по самые глазные яблоки, он был похож на доисторическое чудовище, пробывшее в спячке на дне болота тысячу лет и теперь пробудившееся от сна, чтобы пообедать нами...

- Клянусь тебе, он знал, что там эта яма, - лихорадочно шептал мне на ухо Мика, когда мы возвращались на дачу - о костре уже не могло быть и речи, надо было отмывать нашего басиста, пока неизвестная субстанция на нём, чего доброго, не затвердела.

- Ты что? Правда?

- Клянусь, говорю, смотри, до сих пор смеётся. Специально нас сюда послал. Он тот ещё атанщик[10 - Кидала (азерб.)].

- Тебя послушать, так он просто какой-то злобный гений.

- Я тебе говорю, он специально всё это подстроил. Чтобы посмеяться.

Я покачал головой.

– У тебя какой-то пунктик насчёт Ниязи. Нормальный мужик. А в яме ты выглядел реально смешно.

– Вот! – Мика театрально отшатнулся от меня и направил в мою сторону обличающий перст с приличной такой мозолью от гитарных струн. – Ты уже попал под его влияние!

– Да ну тебя...

В три часа ночи нам удалось избавиться от Ниязи. Точнее, нам не самим удалось, а он решил, что в нашей компании стало скучно, и убрался восвояси. Думаю, все, кроме меня, почувствовали облегчение. Присутствие Ниязи создавало атмосферу лёгкого неустойчивого безумия, вызывая в тех, кто имел неосторожность оказаться поблизости, чувство беспокойства, которое не очень приятно обычным, вечно встревоженным обывателям вроде Эмиля и Мики. Даже Джонни, несмотря на то что громок, грозен и груб, любит стабильность и порядок.

На следующий день, поздним утром, я взгромоздился на забор и ждал, когда Ниязи, сказавший нам, что будет ночевать у друзей, проснётся и выйдет. Но соседи оказались пожилой парой с целым выводком чумазных детей, никто из этого семейства не говорил по-русски, а толстая мамаша устроила мне безобразный скандал, решив, что я подглядываю за тем, как она из шланга поливает свои оплетённые варикозной сетью ноги. Неужели я так похож на извращенца или прекрасная леди пыталась выдать желаемое за действительное?

Ниязи в этом доме никогда не было и быть не могло. Может, он ночевал у каких-то других соседей? В любом случае на даче мы его больше не видели.

Он заявился в Finnegans в среду, как и обещал. Мы не сразу его заметили. Народу в паб набилось много, все галдели, звенели бокалы, Эмиль то и дело нервно ударял по том-томам. За одним из столов заливисто смеялась компания из четырёх подвыпивших одиноких девушек – у одной размазалась тушь, а у другой – помада, а третья девушка нежно улыбнулась мне. Я кинул на Сайку обеспокоенный взгляд, но она ничего не заметила и вообще казалась

отрешённой, что с ней бывало нечасто.

Потом мы заиграли, Сайка запела, люди раскачивались с бокалами пива в руках и подпевали, а я гадал: что будет, если мы сейчас исполним одну из своих... одну из моих песен? Народ затихнет в недоумении? Или никто ничего не заметит, все так и будут раскачиваться по инерции, как маятник метронома?

На пятой песне я увидел Ниязи – он притулился к барной стойке и подпевал громче всех, широко раскрывая свой лягушачий рот, на самых надрывных моментах крепко жмурясь и складывая кожу на лбу в сложнейшее оригами из продольных и поперечных морщин. Прерывался он только для того, чтобы отхлебнуть из бокала с чёрным, забавно похожим на кофе «Гиннесом».

– Смотри, – в перерыве между песнями я толкнул Мику и мотнул головой в сторону Ниязи, – твоя любовь пришёл!

– Нет да-а-а, – обречённо застонал Мика. – Надеюсь, он не начнёт танцевать на столе!

– Такое уже бывало?

– Нет, но я не удивлюсь, если однажды будет.

– А давайте сыграем нашу Ramp to Hell, – предложил я, очевидно, оказавшись в зоне действия ауры озорства, окружавшей Ниязи.

– Нас потом вые...т за это, – сделав сие зловещее эротическое пророчество, Джонни с наслаждением втянул глубоко в себя продымленный воздух – сам он во время работы курить, конечно, не мог.

– Сыграем Ramp to Hell? – не теряя надежды, спросил я Сайку.

– Не придуривайся. – Она просто отмахнулась от меня. Я почувствовал, что ещё немного – и начну бить мою бесценную Сирингу об пол. В этот миг я поймал взгляд Ниязи, который отсалютовал мне бокалом с таким энтузиазмом, что пролил немного пива на колени сидящему рядом краснорожему от непривычной жары и обильной выпивки иностранцу.

В общем, до полуночи мы играли только одобренные начальством песни, и ничего своего. В Ниязи происходил круговорот пива, заставлявший его то вскакивать с нагретого стула и бежать в туалет, то доставать из кармана деньги, скрученные в тугий рулет. Похоже было, что он твёрдо вознамерился дождаться нас. Так оно и оказалось. Когда мы, измождённые, собирались покинуть паб, оставив охрипших посетителей наслаждаться тишиной, он присоединился к нам, изливая на нас свои восторги:

- Прелестно играете! Сайка, ты поёшь очень здорово! Собираешься делать карьеру певицы? У тебя такая внешность и такой голос, что ты точно станешь знаменитой! Это я тебе говорю, а я никогда не ошибаюсь, - тараторил Ниязи, описывая дуги вокруг нас и пытаясь вклиниться то между мной и Микой, то между мной и Сайкой. - Когда ты пела эту Closer, я правда чуть не заплакал! - И вдруг он спросил, обратившись ко мне: - А почему вы не играете свою музыку?

- Для этого есть специальные места, - ответил я.

- Подземные переходы? - фыркнул он.

- Нет, - ровным голосом возразил я, - иногда мы устраиваем концерты.

- Да, - подтвердила Сайка. - В марте у нас было выступление в ресторане Seven.

- Никогда о таком не слышал. Мика, что за дела? Ты даёшь концерт, а друзей не зовёшь?

- Я послал тебе приглашение на мероприятие в Фейсбуке, наверное, ты его не заметил, - равнодушно сказал Мика.

- Да ладно? - искренне изумился Ниязи. - И что, много народу пришло?

- Полный ресторан, - похвастался Эмиль.

- Но там всего один зал, очень маленький, и половину его заняла сцена, - добавил я во имя исторической справедливости.

- Давно вы играете?

– Три года.

– Хм, – только и сказал Ниязи, и я почувствовал, что он думает о том, как мало мы продвинулись за эти три года. Мне захотелось оправдаться, но он ничего не добавил к своему многозначительному хмыканью.

– Слышал бы ты, как мы звучали вначале, – пробормотал я так, чтобы остальные не услышали.

На улице Мика сказал:

– Сайка, давай я тебя отвезу. Мне к баба?[11 - Дедушке (азерб.).] заскочить надо. А то он опять со мной разговаривать перестанет.

Хотел он и меня подбросить до дома, но Ниязи, узнав, где я живу, начал кричать, что это пустая трата бензина и что мы пойдём домой вместе. То есть я пойду домой, а он – к автобусной остановке. Как я теперь, спустя шесть месяцев, будучи мертвецом, понимаю, Ниязи специально хотел остаться со мной наедине и поговорить.

Он проявил большой интерес к моему творчеству, чем и подкупил меня. И он не сказал ни слова о Сайке. Ни слова.

– Ну и как вы звучали вначале?

– О, на заре нашей карьеры мы исполняли death-metal. Это тот самый, который ты назвал шлаком, помнишь? Мы тогда ещё не знали Сайку. У нас вокалистом был один чувак, вот он ревел, как дракон, которого кастрируют без наркоза. Но потом мои стихи к песням начали совершенствоваться, и я подумал, что добро зря пропадает – за его ревом слов не было слышно. И так, потихоньку, мы сменили направление. Потом наш вокалист отсох...

– Что значит – отсох? – удивился Ниязи.

– Женился. Ему был двадцать один год. Он уже, кстати, развёлся. А я встретил Сайку, и мы взяли её в группу.

– Понятно. А чем ты зарабатываешь?

– Айтишник я. Кстати, если вдруг кому-то из твоих знакомых понадобится сеть наладить или ещё что – порекомендуй меня, ладно?

– Конечно, обязательно порекомендую, – заверил меня Ниязи.

– А ты чем занимаешься? – вежливо поинтересовался я. Всё это напоминало мне свидание, на котором мы оба оказались по воле родителей, но уж никак не по своей.

– То одним, то другим, – уклончиво ответил Ниязи. – Но ты скажи мне: вот твоя музыка – это серьёзно или ты не собираешься развиваться в этом направлении?

Он задел мою открытую кровоточащую рану. Будущее пугало меня примерно так же, как пугает человека сочетание свежерытой могилы перед глазами и дула пистолета, приставленного к затылку. Я не знал, буду ли развиваться или так навсегда и останусь гусеницей, не в своё время, не в своём месте, среди не своих людей. Поэтому с ответом я замешкался.

– Не знаю пока... Здесь у нас мало шансов на успех.

– А я говорю не о вас. Я говорю о тебе, – вкрадчиво промолвил Ниязи.

Мы пересекли улицу Торговую, сверкающую, как зал во дворце знатного вельможи во время бала. Несмотря на то что старый день уже кончился, а новый ещё не начался, на улице было полно людей. Некоторые даже гуляли с малолетними детьми. Мы нырнули в пучину плохо освещённых жилых кварталов, и нас обступили тишина и опасность свалиться в какую-нибудь яму или подвал.

– Я не вижу здесь своего творческого будущего, – признался я.

– Почему? Везде можно чего-то добиться, главное, найти свою нишу, – нравоучительно изрёк Ниязи. На мгновение его лицо озарилось жёлтым светом случайного фонаря, и мне показалось, что оно выглядит как-то зловеще. – Сейчас это вообще легко. Есть Youtube, Facebook. Тебе даже не надо выходить из дома, чтобы стать знаменитым.

– Ага, – саркастически согласился я. – Вот у нашей группы есть фан-страничка и свой канал на Ютубе. Видел ты их?

– Нет. Но я – не показатель. Я вообще редко в интернете сижу.

– Я тоже. И я не умею пиариться в соцсетях. Для этого надо быть особенным человеком.

Мне вспомнились многие непонятные обитатели интернета, которые имеют тысячи подписчиков, и при этом для меня оставалось настоящей загадкой, почему эти личности знамениты и в чём состоит род их деятельности.

– Недавно я разослал всем своим друзьям предложение лайкнуть страничку нашей группы. Так вот, почти никто не лайкнул. А когда они просили меня лайкать их уродливые фоточки для всяких убогих конкурсов, я лайкал, как идиот! Думал, что они отплатят мне тем же, когда мне это понадобится!

Ниязи рассмеялся приятным тихим смехом:

– Ты какой злой, оказывается! Знаешь, я придумал, что надо сделать.

– Что? – Я почувствовал, что сейчас Ниязи выдаст нечто.

– Люди совсем как мухи. Я имею в виду трупных мух. Они любят слетаться на смерть. Тебе надо умереть. Не по-настоящему. Но если кто-то на Фейсбуке напишет, что ты умер, то все поверят.

– Потому что люди верят прочитанному в интернете больше, чем своим собственным глазам, – медленно произнёс я.

– Ага! Ну как, шикарно я придумал?

– В этом что-то есть. Многие художники умерли в нищете, а продаваться начали после смерти.

– И ты должен не просто умереть, в обычной смерти нет ничего интригующего. Я считаю, ты должен покончить с собой по каким-то загадочным причинам.

Только представь, сколь популярным ты станешь!

Я представил. И в этот миг пали метафизические оковы, удерживавшие меня на скале моей унылой жизни над бурным морем приключений.

Я начал перебирать в уме все доступные мне способы добровольно отправиться на тот свет, а заодно и причины. У нас среди молодёжи вообще популярно самоубийство. Ну, там, когда родители не разрешают жениться на любимой девушке, и всё такое. Или если не удалось поступить в институт. Или если не можешь выплатить кредит. Такие варианты, само собой разумеется, были для меня неприемлемы. Любовные страсти местным чопорным и мещанским населением не понимаются и не одобряются, красный диплом я давно получил и даже уже потерял, а прослыть нищим неудачником меня совсем не прельщало. Я решил, что пусть это будет невозможность проявить себя, тяжёлое ощущение сдвигающихся стен, отчуждение, полное неприятие со стороны окружающих, глухая безнадежность – всё то, что я и так в некоторой степени чувствовал, хотя и не настолько остро, чтобы из-за этого наложить на себя руки. Раздумывая над способом, я точно знал, что не повешусь. Ведь в этом случае люди будут знать, что, умирая, я обмочил штаны, язык у меня вывалился изо рта, рожа синяя, а это совсем не эстетично и уж ни капли не романтично.

Тем временем Северный Ветер, вызванный обрядом, любезно взял на себя труд создать для меня легенду.

В то утро я почему-то проснулся очень рано. Мать и сестра ещё спали, дворовые кошки тоже. Только несколько юрких воробьёв, ещё не вытесненных из города расплодившимися на обильном мусоре воронами, устроили свою обычную писклявую возню в дереве под окном.

Ненавижу начинать день с просмотра новостей в интернете, но ничего не могу с собой поделать. И вот я прочитал, что море снова забрало себе в жертву парня моих лет. Как ему могло прийти в голову залезть в воду во время такого шторма? Его имя скромно не указали. Просто очередной безымянный мертвец, которых в большом городе образуется каждый день огромное множество. Это мог быть и я, если бы только мой теплообмен позволял мне купаться в море в прохладную погоду.

А что, если это в самом деле буду я?

Зайдя в Facebook, я отыскал в списке френдов недавно вступившего в их жидкие ряды Ниязи и написал ему: «Вчера я утопился в море на пляже в Бильгях. Можешь проинформировать народ».

Чат у меня отключён, так что никто и не заметит, что я заходил на сайт уже после своей смерти.

Ниязи словно поджидал меня; его ответ пришёл через несколько секунд: «Ну что ж, непризнанный гений, готовься стать знаменитым, я устрою тебе такие пышные похороны, что все народные артисты захотят поменяться с тобой местами. И вот ещё что. Напиши красивое предсмертное письмо на бумаге. Такое, чтобы я заплакал. Отдашь мне, когда напишешь».

Мои ладони вспотели и похолодели от волнения, а потом я вспомнил, что не завтракал. Голода я с утра, как правило, не испытываю, но мать приучила нас с Зарифой завтракать, и с тех пор, если я пропускаю утреннюю трапезу, мне весь день кажется, что всё идёт не по плану. Хотя обычно у меня и планов-то не бывает. Иногда я представляю себе, что живу в темноте и уединении, как адский кальмар-вампир – питаюсь трупами и экскрементами, в тишине, под высоким давлением... Без воздуха.

Втиснувшись в нашу небольшую кухоньку, я узрел нечто ужасное, чему не сразу даже нашёл объяснение: по всему полу были разбросаны осколки грязной посуды. В последний раз я видел такое в тот день, когда от мамы ушёл отец. Разум подсказывал, что на этот раз к картине разрухи ни мама, ни сестра отношения не имеют. Во-первых – это не их стиль. Ввязываясь в скандал, мама просто краснеет, как лобстер в кипятке, и орёт (в прошлый раз посуду перебил отец, а не она). Скупость не позволяет ей разбрасываться хрупкими предметами. А Зарифа, если её разозлить, способна только выдать что-нибудь ехидное и убежать, а наутро обидчик, вероятно, скончается от отравления. Но чтобы бить немытую посуду...

Происшествие имело место ночью, когда мы спали. Иначе кто-нибудь убрал бы осколки. По ночам с посудой развлекается только наше привидение, но, видимо, по какой-то причине нынче ночью оно решило перебить её всю вместо того, чтобы вымыть. Я поставил чайник на плиту и вернулся в свою спальню. Шкаф был закрыт настолько плотно, насколько это вообще возможно при таких покосившихся дверцах. В принципе против призрака в шкафу я не возражал – он отпугивал моль не хуже нафталина. Не чувствуя ничего, кроме раздражения, я

рывком распахнул дверцы шкафа и заглянул внутрь. Из глубины раздалось шипение: не такое, какое издаёт рассерженная кошка, а такое, какое получается, если открыть баллон с газом. Раньше призрак не издавал никаких звуков. На всякий случай я отшатнулся и затворил шкаф. С той стороны звякнули о створку пряжки ремней.

Первой проснулась мама и, увидев гору осколков, которую я аккуратно собрал в центре кухни на полу, с тем чтобы более умело обращающиеся с совком женщины избавились от неё, начала кричать и причитать. Мне удалось только выпалить «Это не я!», прежде чем она начала концерт.

На крики выползла и Зарифа, всклокоченная, со следами подушки на лице. Со свойственной ей апатичностью она уставилась на погром, а потом вернулась в спальню и закрыла за собой дверь, чтобы не слышать криков.

– Столько денег теперь на посуду тратить! – разорвалась мама. Я подумал, что за это время, потратив она его на промывание мозгов очередному клиенту, она успела бы заключить сделку на сумму нового фарфорового сервиза на двенадцать персон.

Раньше мама работала старшим научным сотрудником в Академии наук, и, хотя обычно служители оной покидают своё место работы исключительно ногами вперёд, маму каким-то образом угораздило попасть под сокращение, что благотворно сказалось на развитии её коммерческих способностей. Мама – агент по продаже водоочистительных фильтров и кастрюль с особыми, поистине магическими свойствами (никогда не пытался вникнуть, что же эти кастрюли и сковородки там делают, но, вероятно, после приготовления блюда они сами сервируют его на столе, поют хором, пока ты ешь, а после идут и сами себя моют. Иначе я не представляю, зачем кто-то стал бы их покупать столь изощрённым способом). Мамин любимый фильм – «Гленгарри Глен Росс» с Аль Пачино; она периодически пересматривает его для того, чтобы поднять свой боевой дух. По-моему, это ужасная работа, мне жалко маму, и её клиентов тоже жалко. Многие из них скрываются от неё, не берут трубку, когда она звонит им, чтобы пригласить на очередную презентацию с беспрецедентными скидками и маленькими, халявными пирожными. Некоторым из клиентов, более внушаемым, приходится буквально вцепляться в глотку, чтобы дожать: не так-то просто убедить человека купить то, что ему не нужно. Больше всего на свете мама хочет, чтобы мы с Зарифой создали семьи, она копит деньги на квартиры в новостройках для нас. Сестра же больше всего на свете хочет выйти замуж за

какого-то известного актёра из сериала про вампиров и навсегда избавиться от мамы. Я больше всего хочу уехать из этой страны и никогда не видеть ни одной уродливой новостройки. А мысль о женитьбе ввергает меня в оцепенение. Я бы даже сказал, в трупное окоченение. Не то чтобы я не хотел провести остаток дней с Сайкой и «умереть в одном гробу», но вряд ли мы способны создать такую семью, о которой мечтает мама. Так что зря она себе нервы треплет.

Итак, наше привидение на что-то обиделось. Возможно, бедная женщина наконец поняла, что чужие люди, живущие в квартире, которую она считала своей, используют её как бесплатную рабсилу. Меня такие вещи не пугают, мама слишком приземлённое существо для того, чтобы об этом задуматься, а что подумала Зарифа – один Покровитель Старых Дев знает.

Оставив маму причитать над разбитой утварью, я вернулся в свою комнату (вот преимущество старых домов – комнаты в них маленькие, зато их много), чтобы проверить, выполнил ли Ниязи своё обещание.

Такого количества обновлений в своём Facebook я не видел никогда. Эпитафия, которую настрочил за считанные минуты Ниязи, красовалась в самом верху моей скупой оформленной страницы, и слов на неё он не пожалел:

«Брат, я не могу поверить, что это произошло... Лучшие всегда уходят раньше... Очевидно, кому-то хочется, чтобы твои песни исполнялись на Небесах... Видимо, так было нужно, чтобы ты позволил Морю забрать себя... Ты навсегда останешься в наших Сердцах, в нашей Памяти, и твоя музыка всегда будет звучать для нас. Ты не умер, навсегда жив в своих мелодиях, своих стихах... Пусть держатся твои родные, твоя мама, твоя сестра и все, кто тебя любил. Мы сейчас все вместе, с твоей семьёй. Прости, что не уберегли тебя, не заметили, не поняли, в каком ты был состоянии. Прости, Брат, что недостаточно тебя ценили... То, что случилось, должно заставить всех нас задуматься... не упускаем ли мы из виду чего-то Важного. Надеюсь, теперь ты Счастлив, ты там, где тебе хорошо. Покойся с миром, Брат...» Заглавных букв и многоточий он тоже не пожалел.

Почему-то все самые насквозь фальшивые, издевательские и пародийные проявления чувств выглядят точно так же, как и проявления чувств самых возвышенных и искренних. И те, и другие на редкость пошлые и изобилуют задумчивыми многоточиями, столь привлекательными для тупых самочек.

Ещё Ниязи не постеснялся выставить новостную ссылку, чтобы не пришлось отвечать на лишние вопросы. Я подумал о том, что произойдёт, если вдруг настоящие друзья и родные утонувшего парня увидят эту ссылку на моей странице, а потом решил, что паранойя в данном случае неуместна. Едва ли кто-то из имеющих отношение к утопленнику людей будет шариться по фейсбукику, а тем более по моему (85 друзей, 1 подписчик, и тот почему-то пакистанец).

Под сим опусом уже разрастались, как плесень на влажном кусочке хлеба, комментарии:

«Что случилось?!111 Я немогу поверить! Как так?((((«.

«Za4eeeeem daaaa? Somaubijstva eta grex... Sabaleznavaniya i terpeniya tvoey semye. Allah rehmet elesin!»

«Я сижу в шоке и не знаю, что и думать. Совсем недавно, кажется, мы сбегали вместе с лекций, помнишь? Сидели в буфете, и Намик дайы на тебя орал... Страшно, когда уходят молодые, твои друзья, у которых вся жизнь была впереди. Страшно, когда они сами принимают решение уйти. Соболезнования твоим родным... Земля тебе пухом».

И дальше ещё с дюжину таких комментариев, иногда осуждающих, но неизменно глубоко скорбных, а ведь с момента публикации не прошло и десяти минут!

Людей притягивает чужая смерть. И чем страшнее, нелепее, несвоевременнее она, тем неистовее их пляска вокруг трупа. Покойся с миром, друг, с которым мы не общались уже четыре года, а мы живы, живы, живы!

В любой компании очень молодых людей, например, университетской группе или школьном классе, всегда есть один несчастливец, который умудряется трагически погибнуть в самом начале жизненного пути. На остальных это производит шоково-ободряющий эффект: все понимают, что могли оказаться на его месте, но так как он уже заполнил собой статистику, шансы всех остальных дожить до зрелых лет сильно повышаются – не может быть двух молодых покойников в одной и той же группе. Если, конечно, нет войны или эпидемии. Что же, пусть среди своих групп статистическим мертвецом буду я. Пусть помечутся по моей странице в Facebook, пусть перевероят чердаки своей

памяти, чтобы найти там хоть какие-то воспоминания обо мне – чтобы было о чём написать в своих поминальных комментариях.

Кстати, нашлись несколько человек, которые лайкнули пост Ниязи. Я понимаю, что «лайк» в данном случае означал скорее «я ознакомился и согласен с вышенаписанным», но всё же.

Мой мобильный на столе начал вибрировать, высвечивая на экране номер лучшего друга. Я неохотно ответил:

– Да, Джонни?

– Привет, говнюк! – рявкнул Джаваншир, этот юный лев, чуть более агрессивно, чем обычно. – Это что за х...ня у тебя в фейсе?

– Небольшой розыгрыш.

– Ты окончательно е...нулся? Я чуть не обосрался, когда увидел!

– Это Ниязи придумал, и я...

– Этот п...л меня напрягает. На х... вот ты его слушаешь?

– Нет, ты подумай! Если все будут считать, что я самовыпилился, моя музыка станет популярной и наша группа станет знаменитой!

– Это он тебе нап...л?

– Я и сам это всегда знал. Почему ты кипешуешь? Удачный же розыгрыш, мрачный такой, в твоём духе!

– Это ты у нас гр...ый специалист по всему мрачному и готическому. А я просто хочу нае...ться от рака лёгких и прихватить с собой как можно больше народу. Это разные вещи.

– Прихвати с собой Эмиля. Он этого как раз боится.

- Не увиливай от темы. Когда ты собираешься воскреснуть?
- Простые парни вроде меня не воскресают.
- Ага, поп...и мне тут, так я и поверил, что ты считаешь себя простым парнем!
- Джонни, отвали! Мне нужна твоя помощь. Ты мне друг или что?
- У меня нет друзей, – цинично ответил мой лучший друг, – только коллеги.
- Напиши мне тоже эпитафию. А то люди удивятся, почему первым написал какой-то Ниязи. Все же знают, что мы с тобой друзья со школы.
- А может, я ё...т горем, и мне не до п...жа в фейсбучике, – резонно возразил Джонни.
- Вряд ли кто-то будет проводить такой глубокий анализ, – фыркнул я. – Просто напиши, и всё!
- Чё э я напишу?! Я не умею писать. Только матом.
- Напиши матом, ничего, в данной ситуации это даже уместно. Представь себе, что я действительно покончил с собой.
- Тебя раскусят в два счёта!
- Не раскусят, если мы сомкнём ряды.
- Ты больной, упоротый е...н! – одарил меня комплиментом на прощание Джонни и сердито дал отбой.

Конечно, через месяц-другой я собирался остановить этот макабрический танец и живым и здоровым объявиться среди своих не-друзей. Но всё обернулось совсем не так, как я планировал, потому что действительность иногда бывает интереснее, чем мы ожидаем.

Потом меня настиг скандал от Сайки. Она редко устраивает скандалы, чаще просто обижается и дуется, пока ей не купишь что-нибудь прикольное в утешение, но в этот раз от её крика у меня чуть не заложило уши, а ведь она кричала всего лишь в телефон.

- Кто вообще это придумал?! Что за идиотская шутка! Нельзя так делать! - повысь она голос ещё чуть-чуть - и услышать её смогут только летучие мыши. - Ты подумал обо мне?

- А что ты? - издевался я, озадаченный её реакцией. - Имидж вдовы будет тебе к лицу.

- Ты мне не муж, - иногда она бывает чрезвычайно занудной и дотошной. - И смерть - это не повод для шуточек!

- Разве? - удивился я, с ходу вспомнив несколько десятков чёрных комедий и забавных книг, в которых чья-нибудь смерть играла не последнюю роль. - А знаешь, однажды Зарифа поругалась с одной из своих подруг, так та пустила среди общих знакомых слух, что сестрица моя того... преставилась. Вот она злилась! Пришлось всех лично обзванивать и каждому сообщать, что она не...

- Хватит! Я сейчас напишу у тебя на странице, что всё это враньё и ты жив!

- погоди... Ты хочешь большой концерт и чтобы было много зрителей?

На том конце раздалось громкое, многозначительное молчание.

- А при чём здесь это? - спросила наконец Сайка.

- При том. Спроси у Джонни, он тебе объяснит. Ты меня разозлила. - Я дал отбой. Сайка метнула мне вдогонку сообщение с оскорблениями, но оно не сразило меня. Смерть сделала меня неуязвимым.

Комментарии и публикации на моей странице множились и росли, как колония бактерий в чашке Петри. Кое-кто даже лайкнул страничку нашей группы.

Читая элегии «на смерть себя», я с изумлением узнал, как, оказывается, все любили меня, и каким талантливым считали, и как дорожили мной. Никому не хотелось брать на себя ответственность за смерть многообещающего молодого музыканта, ещё бы! Кто-то предположил, что на меня нашло временное помутнение разума или я узнал, что болен какой-то страшной экзотической болезнью. Я забавлялся, пока мне не начало казаться, что от моего ноутбука исходит запах гнили, и тогда я перестал читать.

Вдохновлённый шквалом посмертной лести, я писал очередную песню, когда ко мне, как всегда без стука, вошла сестра. Она уже успела причесаться и заплести длинную косу.

– Почему тебя похоронили на Фейсбуке? – поинтересовалась она без особых эмоций.

– Это такой пиар-ход, понимаешь?

– А, о'кей, – только и сказала Зарифа и вернулась к себе. Я был благодарен ей за понимание, хотя оно и объяснялось не столько тонкой душевной организацией, сколько безразличием к моей персоне. Осталось лишь предупредить маму. У неё нервная работа и широкий круг знакомых. И ужасное давление.

– Мам! Если вдруг тебе позвонят и начнут выражать соболезнования по поводу моей смерти, ты изобрази, пожалуйста, скорбь, хорошо? И не пугайся, – сказал я, заявившись в кухню, где уже было убрано и витал аромат гренок.

– Что? Ты что такое говоришь? – испугалась мама, картинно схватившись за сердце.

Я терпеливо объяснил ей, в чём дело, но она не желала меня слушать и снова раскричалась, да так, что из окон, выходящих во двор, повысовывали головы соседи, точь-в-точь змеи из нор.

– Как я, по-твоему, должна изображать из себя это... не знаю что?!

– Ты же притворяешься, когда звонишь поздравлять знакомых с праздниками, – я повысил голос, передразнивая лицемерные интонации мамы: – «Джаночка,

дорогая, всего тебе всего самого-самого, люблю-у-у-у, целу-у-у-ую», а сама потом проклинаешь их, когда они просят займы. Прояви хоть раз свои актёрские способности во благо!

– Ой, хватит! Глупости какие говоришь! Хочешь совсем опозорить нас? Мало развода мне было?! Покончил с собой, ещё чего! В море утопился?! Я тебя что, зря в секцию плавания таскала?

– А я связал за спиной руки и надел камень на шею, к тому же был сильный ветер, а в Бильгях ты же знаешь какое море...

– Да пошёл ты! Не буду я ничего такого изображать!

И тут я применил тайное психологическое оружие:

– А я тогда женюсь.

Мама растерянно уставилась на меня, очевидно, пытаюсь уловить связь между моим мнимым самоубийством и женитьбой.

– На Саялы своей? – Мама её не очень одобряет (а, что там скрывать, считает шлюхой), но инстинкт самосохранения бережёт её от попыток радикально повлиять на наши отношения. Лишь однажды она откопала где-то «девочку из очень хорошей семьи» и так пробурила мне мозг этой девочкой, что я согласился встретиться с ней, лишь бы только мама оставила меня в покое. Девочка приходилась дочерью одному известному азербайджанскому писателю – настолько известному, что даже мне доводилось слышать его имя, – и маминой институтской подруге, преподающей в вузе. Как это принято, наши матери устроили нам «деловую» встречу под каким-то совершенно идиотским предлогом, как будто мы оба были умственно отсталыми и не знали, по поводу чего все эти дикарские пляски. Перед встречей мама дала мне столько напутствий, словно я не на свидание шёл, а уезжал из родной деревни для того, чтобы поступить на службу к королю.

– Надень сорочку нормальную, а не эти свои майки с черепами. И смотри, не болтай лишнего. Ляпнешь что-нибудь, как я потом на её мать смотреть буду. Она девочка из очень приличной семьи, не позорь меня.

Встретившись в кофейне, мы начали неохотно узнавать друг друга. Девочка из хорошей семьи выглядела странно. Кажется, ей отрезало нос, бедняжке, а на губы наступил кто-то крупный, вроде медведя. В целом было похоже на то, что её со всего размаху приложило плохим фотошопом. С первой же минуты я потерял интерес и поэтому почти ничего не говорил, а только пил свой кофе, бросал виноватые взгляды на её обезображенное народной хирургией лицо и слушал, как она рассказывает о себе:

– Да, мой папа писатель. Я тоже люблю писать. Но не какие-нибудь там романы. А чисто конкретные стихи.

Тут я, можно сказать, востепенел. «Чисто конкретные стихи» могли сделать мой приход на свидание ненапрасным. Совершенно искренне я попросил её дать прочитать мне что-нибудь из нового. Как и ожидалось, она согласилась. И вот что я узрел:

Завистникам

Завистники из под тяжка глядят

И поиметь все жизнь мою хотят.

Ночей не спят, ворочаясь в аду

Как мертвые встают поутру

Консилером замазав синяки

На жалкую работу прут они!

Мечтают, чтоб я здохла в нищете

Но я скажу, мечты у вас не те!

Глазеют день и ночь в мой Инстаграм

На них без слез не взглянешь без стограмм

А в нутрии у них лиж пустота.

Им не дает покоя красота.

Завидуйте. А я, буду летать

Как бабочка среди цветов пархать,
Вы ядом захлебнетесь отрадась
А я, буду цвести, собой гордась.
Ваш глаз дурной повыпадает из глазниц
А у меня – триумф среди колесниц!
И если позавидуйте что еду я в Европу
То Бог вас проклянет и всех отправит в...опу!

Кажется, такого удовольствия от чтения стихов я не испытывал никогда!
В полном восхищении я перечитал эту Песнь песней несколько раз, чтобы
запомнить наизусть и дать возможность остальным насладиться тоже.

– Это великолепно! А вы где-нибудь печатались?

– Да, – лениво, как и подобает слегка уставшей от восхищения поклонников
звезде, ответила хорошая девочка. – В журналах там всяких. Книгу свою издала.
Во-о-от. Ещё в субботу будет поэтический вечер, я там тоже свои стихи читать
буду. Хотите я вам приглашение сделаю? Это очень клёвый вечер, там только
самые крутые поэты будут.

– Увы мне, – я сокрушённо покачал головой. – В субботу я очень занят. Но в
следующий раз обязательно приду. А позвольте спросить, кто ваш любимый
поэт?

– Мой? Э... Пушкин даааа.

– Не может быть! – воскликнул я. – Мой тоже! А любимый композитор, наверное,
Моцарт?

– Да э... Моцарт, – согласилась хорошая девочка и принялась царапать длинным
квадратным ногтем экран своего дорогого телефона.

Тут я быстро распрощался и ушёл. Не думаю, что это сильно огорчило мою новую
знакомую. Дома я загуглил её и выяснил, что она весьма знаменита в наших

интеллигентских кругах как поэтесса, действительно выпустила книгу, иногда у неё берут интервью и устраивают её поэтические вечера. Ещё она имела официальную страничку в Facebook, где у неё аж десять тысяч подписчиков. Я в очередной раз умилился широте взглядов нашего народа на искусство, скинул пару её стихов Джонни, мы с ним вдоволь поржали, а потом пришла мама и поинтересовалась, как прошло свидание.

– Таких хороших девочек на Тбилисском проспекте ночью за десять манатов можно штук двадцать найти, – без обиняков заявил я. – Сайка хоть и не слишком умна, но она тонко чувствует музыку, и она прекрасно поёт, а ещё – у неё лицо настоящее. Больше никаких невест, особенно из приличных семей!

– На Саялы своей? – спросила мама, когда я попытался подкупить её женитьбой.

– Может, и на ней. – Я схватил с блюда гренок одну и проглотил её. Потом взял тарелку и навалил на неё ещё с десяток гренок: смерть – очень утомительная вещь. Хорошо, что на пожелания земли пухом не нужно отвечать, как на поздравления с днём рождения. Тем более что выражающих скорбь по поводу твоей смерти обычно набирается в сто раз больше, чем вспомнивших про твой день рождения.

– Ну что, у нас есть сделка? Do we have a deal? – настойчиво спрашивал я маму.

– Ой, не знаю... не нравится мне всё это. Вечно эти твои бредовые затеи. – Она ломалась, как некоторые из её клиентов. Я наслаждался иронией момента – она сама сейчас оказалась в шкуре этих несчастных. Вообще-то мама, несмотря на всю её кажущуюся склонность к доминированию, на самом деле является преданным рабом меня и Зарифы. На любую нашу просьбу она неизменно отвечает криком и возражениями, заканчивающимися словами «Иди к чёрту, ничего я не буду делать!», после чего просьба смиренно исполняется в наилучшем виде. Так что и в этом случае надо было просто немного уломать её.

– Ну давай, решайся! У нас есть сделка, – давил я на маму, разумеется, не собираясь ни на ком жениться. В ближайшие десять лет.

– Ой... Мучаете вы с сестрой меня. Ладно!

– Вот и славно. Скоро тебе начнут звонить, не разочаруй их.

– Но они же захотят прийти на похороны. – Мама продемонстрировала поразительную дальновидность. Этого момента я, признаться, не учёл совсем.

– Ну... ты говори им, что из-за бюрократических э-э-э... проволочек тело пока не выдали. Самоубийство, полиция расследует, то-сё. Не до похорон нам. Да. А потом что-нибудь придумаем.

– Похороним мешок камней? – желчно спросила Зарифа, выползая из своего обклеенного портретами актёра-вампира логова на запах еды.

– Там видно будет. – На самом деле я подумал, что, может быть, Ниязи всё предусмотрел.

Глава вторая

Похороны

Ниязи, живущий таинственной жизнью, был настолько занят, что аудиенцию мне назначил прямо в метро. Я сказал – нет, не полезу в эти подземелья, полные гоблинов. Он удивился, ведь я не девушка, чего мне бояться в метро? Почему-то меня не покидает стойкое убеждение: как только человек допускает для себя возможность использования общественного транспорта, его жизнь начинает катиться в пропасть нищеты и тяжёлого ежедневного труда (хотя умом я понимаю, что связь здесь как раз обратная, а порою и вовсе никакой связи). Но перед глазами у меня пример Зарифы, которая вскакивает каждое утро, словно дозорный, проспавший наступление вражеских войск, а возвращается, как после тяжёлого боя. Когда она рассказывает об увиденном в метро, я каждый раз удивляюсь, как это она не вышла оттуда с поседевшими волосами.

Но Ниязи убедил меня, что другого случая встретиться нам в ближайшее время не представится, а предсмертное письмо ему нужно немедленно. Пришлось мне собрать всё своё мужество и подготовиться к спуску. Возле станции метро я постарался принять самую аэродинамическую из всех доступных моему телу форм, чтобы как можно быстрее и безболезненнее маневрировать в толпе. Толпа была чёрной и состояла в основном из молодых мужчин – если так можно

назвать чёрных, маленьких, скрюченных существ, похожих на муравьёв, попавших под лазерный обстрел лупой. Я бы с удовольствием натянул на голову капюшон, но, к несчастью, всё ещё было лето. Точнее, оно только начиналось.

Удивительно, но Ниязи явился вовремя, хотя, когда он сказал «шесть часов», я был уверен, что он имеет в виду азербайджанские шесть часов, то есть шесть сорок пять, и даже заранее ругал себя за то, что припёрся слишком рано. Он подошёл ко мне, неся под мышкой костыли.

- Это зачем тебе? - Я кивнул на костыли.

- Это реквизит, - сказал Ниязи.

- Ты что, в театре играть собираешься?

- Ах, друг мой, разве ты не знаешь, что весь мир - театр? - Ниязи рассмеялся приятным смехом уверенного в себе человека, разгадавшего все тайны мироздания.

Меня пожирало любопытство, но я не стал допытываться. В конце концов, может быть, костыли понадобились его тяжело больной бабушке и он не хочет об этом говорить? Я отдал ему письмо, не без вдохновения сочинённое после удачной беседы с мамой, и надеялся улизнуть, но Ниязи захотел обсудить со мной детали.

Мы спустились в подземное царство, в детстве казавшееся мне таким таинственным. Как и многие люди, я люблю запах метро.

У подножья эскалатора Ниязи опёрся на костыли, принял жалкий вид и пошёл к ближайшему вагону. Я был так ошеломлён, что затормозил, не зная, идти мне за ним, или у него какие-то другие планы насчёт этого вагона. Может, решил милостыню пособирать? Мой товарищ по заговору обернулся и прошипел:

- Давай залезай, а то останешься здесь один.

Я начал поспешно продираться сквозь поток людей, рвущийся из дверей. Следуя букве закона джунглей, я не давал пощады никому, так же как никто не давал

пощады бедняжке-инвалиду Ниязи, который орудовал костылями, как заправский мастер по бодзюцу[12 - Бодзюцу – японское искусство ведения боя при помощи деревянной палки.]; его противники даже не понимали, откуда прилетел удар и как они оказались совсем не в той точке пространства, в какую планировали попасть. Только благодаря чуду мы проникли в вагон раньше, чем нас расплющило дверьми, и поезд тронулся. Словно коршун, Ниязи высматривал свободное место, пока кто-то из совестливых пассажиров не прогнулся под его укоризненно-агрессивным взглядом и не уступил ему место. Мне же осталось только нависнуть сверху, путаясь ногами в костылях, которые он демонстративно протянул поперёк прохода.

- Еду с тобой только одну остановку, - предупредил я его.

- Как хочешь, - усмехнулся Ниязи. - Но я бы задержался. Ты же любишь сочинять песни про ад и страдания. Вот тебе ад, вот тебе страдания. В метро столько источников вдохновения!

Я с чувством лёгкого ужаса посмотрел по сторонам. Действительно, люди вокруг страдали, как грешники на средневековых миниатюрах. Хотя некоторые уткнулись носом в телефоны и электронные книги, как, например, сидевшая неподалёку от нас молодая девушка в очень короткой юбке, настоящая камикадзе. Над ней стоял статный седоголовый мужчина лет шестидесяти и рассматривал её, чуть ли не облизываясь. Рядом сидела отвратительного вида старуха с таким выражением лица, что было ясно: злобная энергия распирает её изнутри, как атомную бомбу. Я стоял и гадал, когда же рванёт эта бомба и случится ли это в моём присутствии. Хотелось знать, из-за чего всё-таки разразится скандал, но мирная часть меня мечтала оказаться в этот момент как можно дальше.

Мы не проехали и двух минут, когда хамство внутри старухи достигло критической массы и она набросилась на несчастную девушку. Говорила она по-азербайджански, невнятно и не очень грамотно, но общий смысл я уловил:

- Сейчас так да стало, одеваются как шлюхи, сидят, кроме своего телефона ничего не видят, а старые люди стоят, а эти молодые наглые даже места им не уступят. И стыда никакого нет, и продолжает сидеть, старый человек стоит, а она в телефон смотрит.

– Сие есть электронная книга, – громко произнёс Ниязи, на всякий случай помахав костылями в воздухе. Старуха на мгновение опешила. Ни разу за всю свою долгую старушечью жизнь она не сталкивалась с тем, кто осмелился бы перебить её во время гневной обвинительной речи. Она решила сделать вид, что не расслышала, и продолжила брюзжание:

– И все такие стали, ни одного нормального. – Девушка игнорировала её, и старуха не выдержала. – Я тебе э говорю! – гаркнула она девушке прямо в ухо и пихнула её локтем в бок. Та покосилась на старуху, потом начала в панике рассматривать пассажиров, пытаясь понять, кто из них – тот самый немощный дедушка, который умирает от усталости, пока она здесь с комфортом сидит.

Вагон в предвкушении травли наострил уши. Подключился хор сидящих рядом женщин без лиц и возраста:

– А зачем им уступать место? Никакого уважения к старшим.

– Вот доживёт до таких лет сама, узнает, ей самой тоже никто места не уступит.

– Они всё наглее и наглее с каждым днём.

– А это их родители так воспитывают. Мне родители так одеваться не разрешали. Ещё татуировку сделала себе, бесстыдница!

У девушки было донельзя растерянное выражение лица, а до седоголового мужика вдруг дошло, что это из-за его старческих страданий так негодует народ. Он покраснел и попытался сделать вид, что его здесь нет, а на остановке выскочил из вагона с прытью молодого горносталя.

Скандал мало-помалу улёгся, девушка с убитым видом уткнулась носом в книгу ещё глубже, старухино бормотание ввиду отсутствия жертвы преступления сошло на нет, и тут в установившейся тишине грянул голос Ниязи, красивый, звучный, театральный и слегка дрожащий от неподдельного негодования:

– Вот ты только представь себе – ты зрелый мужчина. – Он обращался вроде как ко мне, но все в вагоне его прекрасно слышали, как до этого – старуху. – Едешь себе в метро, смотришь на красивую девушку, раздеваешь её мысленно и вдруг

узнаёшь, что все вокруг, оказывается, считают тебя дряхлой развалиной, а эта девушка, с которой ты уже в мечтах занялся любовью, должна уступить тебе, почтенному старцу, место! Вот ты бы что почувствовал? Я бы пошёл домой и сразу повесился!

– Да, бедный мужик, – вздохнул я.

Глаза у старухи полезли из орбит, а голова затряслась. Я подумал, что сейчас её удар хватит, но, честно говоря, и поделом ей. Девушка уставилась на Ниязи, как на ангела с огненным мечом, спустившегося в эту преисподнюю в столбе света.

– Как я погляжу, собравшихся здесь людей родители вообще не учили, что нужно держать своё глупое мнение при себе, а делать посторонним замечания – верх невоспитанности, – бесстрашно припечатал Ниязи, которому щитом от избиения разгневанными женщинами служили его костыли и печально подвёрнутые ножки.

Старуха забулькала, словно котёл с жабами, запыхтела и выронила несколько мятых целлофановых пакетов, которые прижимала к своей могучей груди. Девушка с нескрываемым злорадством наблюдала за тем, как старуха сражается с собственным животом, мешающим ей поднять пакеты. Никто ей так и не помог. Я был в восторге, и в этот миг понял, что стал поклонником Ниязи.

– Теперь вернёмся к нашим делам, – обратился ко мне Ниязи уже обычным, не божественно-карательным голосом. – Что ты там говорил насчёт похорон?

– Люди же, наверное, захотят прийти на мои похороны, – сказал я неуместно громко, всё ещё возбуждённый адвокатской речью моего приятеля. Народ шокированно посмотрел на меня.

– Твои друзья – молодые, у них нет привычки таскаться на похороны, – успокоил меня Ниязи. – Особенно если их туда никто не позовёт.

– Это ты так думаешь, что молодые, – с горечью ответил я. – Некоторые из них родились старыми. А ещё есть друзья моей мамы. Эти уж точно организуют коллективный плач.

– Хммм. Значит, наша цель – избавиться от двух десятков весёлых бездельниц в возрасте от сорока пяти до семидесяти лет? – уточнил Ниязи.

– Ага, что-то вроде того.

– Хорошо... Теперь представь себе, что ты действительно завтра умрёшь.

– Ну?

– Какие бы похороны ты захотел?

Я задумался. Уж точно не хотел бы, чтобы у нас дома собралась толпа кудахчущих женщин. Мама хранит дома коллекцию разнообразных домашних тапочек для гостей. Это ужасно. Я представил себе, как об эту гору, сваленную в коридоре, споткнутся суровые, хмурые, незнакомые мне мужчины, вынося моё тело, завернутое в ковёр, словно буррито. Слезы, заунывные молитвы Богу, в которого я не верю, халва (м-м-м-м, обожаю халву! В детстве я всё время с удовольствием посещал с мамулей всякие похороны да поминки ради удовольствия откусать халвы)...

– Халву можно оставить, – сказал я. – А всё остальное убрать. Чёрт, почему у нас нет крематориев?!

– Это тебя сейчас не должно волновать. Пусть твоя мама скажет, что исполняет твою волю, не устраивая традиционные похороны.

– Тогда получится, что я предупредил её, что пошёл топиться.

– Может, ты написал ей отдельное письмо.

– Да нет, совсем без похорон как-то неубедительно получается. Очень подозрительно. И потом, мамкины подружки знают, что она всё равно поступила бы по-своему. Традиции превыше всего. И так у неё репутация из-за развода слегка того. Ещё и на похороны родного сына не позвать. Нет, на такой экстравагантный шаг она бы не пошла.

– Так и быть. Я найду для тебя подходящий труп, который будет счастлив быть похороненным под твоим именем.

– И где хоронить? Нужно место на кладбище... блин, что мы затеяли. Может, ну его?

– Не ну его. Если уж я за что-то взялся – доведу до конца. Будет тебе и место на кладбище, и похороны.

– Только поминок в мечети не надо! – взмолился я. – Моя душа не достигнет нирваны, если меня будет отчитывать какой-то пройдоха!

– Не по-людски без поминок-то.

Я задумался под выжидающим взглядом Ниязи.

– А что, если вместо поминок организовать большой концерт, как бы в память обо мне?

– Отличная идея! На этот раз люди не смогут проигнорировать приглашение, потому что это всё равно что не прийти на поминки. Видишь, ты отлично справился.

– Идеи рождаются в диалогах, – философски заключил я. – А в середине концерта я выйду к потрясённой публике и начну играть сам!

Ниязи крикнул «Ты что?!» и выронил костыль.

– Ни в коем случае! Нельзя отнимать у людей право порезвиться на твоей могиле. Ты сразу перестанешь быть интересен. Интересным может быть только мёртвый герой.

– И долго мне бытьдохлым?

– Сколько надо, столько и будешь. Пока тебя не будут знать все. Пока о тебе не снимут фильм.

– А что, и такое бывает?

Ниязи нервно подёргал носом.

– Может быть, – обнадёжил он меня. – Все должны почувствовать себя виноватыми, понимаешь? За то, что не ценили тебя при жизни. За то, что своим равнодушием свели тебя в могилу. И попытаться свою вину загладить.

– У меня и знакомых-то столько нет.

– Тогда пусть незнакомые почувствуют себя виноватыми, что не были знакомы с тобой!

Мне показалось, что в этом есть определённый смысл. В конце концов, у нас в стране не так уж много групп, исполняющих метал, а тем более исполняющих хорошо, как это, смею надеяться, делаем мы. Нас могли бы и знать, если бы мы уделяли самопиару больше времени, чем самой музыке. Я представил себе, как это могло бы быть.

Обитает в социальных сетях медиаличность – говорящая райская птичка, владеющая мозгами нескольких тысяч своих френдов и фолловеров. Это существо чаще женского пола, с неудавшейся личной жизнью, ибо безмерна самооценка и слишком завышены требования, поклонники предпочитают ставить лайки, вместо того чтобы звать на свидания, да и вообще – ей некогда. Кроме того, периодически в рекламных целях выставляет неаппетитные фото интимно-гигиенических процедур, вроде наращивания глазных яблок и эпиляции ногтей, что тоже самцов не привлекает. Работает в сфере искусства или скорее коммерческого околоискусства и неплохо зарабатывает не только потому, что знает своё дело, но и потому, что не стесняется позиционировать себя как великого творца, крича об этом на всех углах. Вообще же не гнушается актами нарциссизма на публику и почему-то особенно любит бравировать цветом волос, который у популярной личности не врождённый, а приобретённый, насильственно закреплённый на волосах годами тщательных трудоёмких окрашиваний. Во времена смут является эдаким Хароном, перевозящим истину в мрачное царство злобы и невежества, высказывая своё авторитетное мнение по любому поводу. Иногда мнение оказывается слишком отличным от суждения толпы, и аудитория высказывает своё «фи». Тогда медиаличность в зависимости от воспитания и темперамента либо кроет всех

ироничным матом, либо робко удаляет не приглянувшийся публике пост. Но чаще, чем крупными мудрости, звезда интернета осчастлививает почитателей демонстрацией своих насыщенных будней: вот я с подругой в ресторане, вот я на презентации чего-то там очень интеллектуального и одновременно гламурного, вот моё фото вроде как без макияжа, восхищайтесь. Обладает талантом так красочно и многословно расписывать бытовые происшествия с собой любимой в главной роли, что поход в ближайший киоск за сигаретами превращается в экспедицию хоббита к дракону за сокровищами, не меньше. Если позволяет наличие свободного времени и уровень грамотности, медиаличность даже может написать пару книг и издать их не за свой счёт в местном издательстве благодаря дружеским связям и активной светской жизни, о чём не устаёт напоминать своим ни о чём не догадывающимся фанатам. Эти книги похожи на бесконечно затянувшиеся статусы в Facebook и повествуют о героине, наделённой всевозможными достоинствами, но прискорбно неудачливой в любви. Героиня эта всегда подозрительно напоминает саму авторшу, которая, однако, отрицает свою тоску по отношениям. Мизандричка поневоле, постоянно пишет жалобные статусы страдающей от одиночества женщины о том, как ей хорошо без мужика и какие убогие все мужчинки в принципе. По душевной доброте (а может, от неборимой склонности к дешёвой популярности) наша звезда добавляет в друзья «народ». «Народ», будучи не в силах преодолеть генетическую тягу к не несущему никакой выгоды лизоблюдству, периодически раздражается восторженными комментариями типа «Сеяющее и охуторённое лицо». Предпоследнее слово лично я бы испробовал в нескольких вариантах. «Охудотворённое». «Ухудотворённое». Пишите «охуетворённое», чего уж там.

Я представил себе, что мы – благополучный сытый Мика, кисллицей Эмиль, злобный Джонни с профилем молодого Данте Алигьери, Сайка с её модельной внешностью и я – талантливый и красивый – пытаемся стать медиаличностью. С Сайкой всё понятно – это её открытые для всех фотографии притягивают к нам тех немногих поклонников, которых мы имеем, извиняюсь за выражение. Джонни, если бы начал писать всё, что говорит (а не выставлять по одному чужому музыкальному клипу раз в два месяца), мог бы иметь скандальный успех среди подростков. Я, что бы ни делал, умудряюсь оставаться в интернете совершенно незаметным, ну а Мика и Эмиль вообще не могут быть никому интересны ни в каком качестве.

– Да, – сказал я, – ты прав. Надо оставаться мёртвым до победного конца.

– И вот ещё что. У меня есть знакомый журналист, специализируется как раз на всяких происшествиях типа самоубийств и изнасилований. Я его попросил статейку сделать о тебе, для достоверности. Если на новостном портале опубликуют материал о твоём самоубийстве, это добавит тебе популярности. На одном напишут – на остальных тоже напишут. Они все копипастят друг у друга новости.

– А если они проверят и узнают, что я жив?! – в ужасе спросил я.

Ниязи посмотрел на меня с сочувствием, как на глупого ребёнка:

– Ты что, всерьёз думаешь, что наши журналисты проверяют информацию, прежде чем её выпускать? Им бы хоть какую новость выложить. Здесь же ничего не происходит.

Припомнив заголовки всплывающих у меня в ленте новостей («Шок!!! В селе Зяхримар муж застукал жену с любовником!»), я согласился.

Мы сердечно распрощались, и на следующей остановке я с облегчением покинул вагон. Тут мне позвонили и срочно вызвали на одну из фирм, которые я имею несчастье периодически обслуживать. До семи, то есть до конца их рабочего дня, оставалось сорок минут, и за эти сорок минут мне предстояло добраться до места, выслушать жалобы капризных девиц и всё исправить, а если не исправлю, то задержаться в стремительно пустеющем офисе и сидеть там до тех пор, пока проблема не будет устранена. А потом шеф скорее всего заявит, что денег на непредвиденные расходы у него с собой нет, и я буду так любезен, что соглашусь прийти за деньгами завтра, или послезавтра, или никогда.

Я готов сто раз умереть, если это сделает меня богатым и знаменитым.

Когда я вернулся домой, уже стемнело. Мама смотрела по телевизору какую-то малоинтеллектуальную местную передачу, ведущая которой, находясь в прямом эфире, вытягивала выпавшие длинные чёрные волосы из причёски и кидала их на пол. Зарифа, как всегда, сидела в своей комнате, словно паук. Стоило мне появиться в дверном проёме гостиной, как мама разразилась гневной речью:

– Ты бы хоть предупредил мать свою, что задерживаешься! Я так понервничала! В могилу меня решил свести! Пока он там шляется, я тут, как дура, отвечаю на

звонки, принимаю соболезнования... – Она с трудом перевела дух и продолжила: – А они ещё вопросы задают, на которые я не знаю как ответить! Решат ещё, что это я тебя довела до самоубийства! А что мне сказать про похороны твои? Все хотят прийти, уже и Егяна, и Наиля, и Аллочка меня спрашивали. Дуру делаешь из матери своими игрищами!

Я в приличных словах объяснил маме, куда Аллочке и прочим стервятницам следует отправиться на мои похороны.

– Что я скажу им?! – взвыла мама.

– Не беспокойся. Один мой друг всё уладит. Устроишь похороны, порадуешь подруг.

– Это ж какие деньги! У нас нет лишних денег! У нас даже участка на кладбище нет, не купила я ещё! А даже если был бы! Кого похороним? Живьём тебя? Эти твои шалости плохо кончатся!

Мама долго носилась по комнатам, хватаясь то за сердце, то за какие-то просроченные капли от этого самого сердца, которые никто никогда не пил, но которые всегда имелись дома на всякий случай. Я, как отдавленный хвост, волочился за ней и пытался убедить, что всё будет в порядке, хотя и сам не был уверен в этом. Зато мне было ясно, что это представление мама устроила исключительно для порядка, тогда как на самом деле мелкомошенническая натура её горела желанием узнать, что из всего этого выйдет.

– А вместо поминок все желающие могут прийти на наш концерт, который состоится в память обо мне! Мы как раз заканчиваем записывать новый альбом, он называется...

– Да кому он нужен?! – взбеленилась мама. И она, и сестра считают мою музыку просто блажью, чем-то вроде хобби, которому я уделяю слишком много времени – наверное, свихнулся. Их друзья разделяют эту точку зрения, эту убогую, пораженческую точку зрения. Никто не верит, что наша группа может добиться большого успеха. Что я могу добиться успеха.

– Опять ты со своей музыкой! Кто здесь будет вас слушать? – разорвалась мать. – Спустись с небес на землю!

Если бы я стал властелином мира, я бы приказал расстреливать за слова «спустись на землю» без суда и следствия.

– Вот поэтому папа ушёл от тебя, – отпарировал я и сбежал в свою спальню. Это был очень жестокий ответ, но я не переступил допустимого предела жестокости, потому что мама – существо достаточно толстокожее, да и отца, как я понимаю теперь, никогда особо не любила, а замуж вышла опять же «для порядку». Дабы «Егяна, и Наиля, и Аллочка», все эти вот, не смотрели на неё с жалостью, что она в тридцать лет всё ещё не замужем и без детей.

Минут пятнадцать я теребил гитарные струны, успокаиваясь. Попытался придумать соло для новой песни, но ничего у меня не получалось, и я решил вкусить лести, которой заваливали мою страницу убитые горем френды на Facebook.

Расторопный Ниязи уже отсканировал моё «предсмертное» письмо и вывесил его на моей странице. Народ рыдал и рвал волосы на головах и прочих частях тела. Каждый увидел в моих проблемах злое отражение своих собственных, отчего моя смерть стала гораздо более значимой персонально для каждого. Жаль, не было возможности сопроводить письмо музыкой. Может, следовало просто снять видеообращение? Хотя я не настолько хороший актёр. Пусть будет просто письмо.

На странице группы Death and Resurrection, которая до моей внезапной трагической кончины нравилась трёмстам шестидесяти пяти людям, количество лайков выросло до тысячи с лишним – и это всего лишь за один день! Эти люди меня даже не знали, но слетались на запах трагической смерти.

Кстати, о запахе смерти. То, что вчера показалось мне лёгкой игрой воображения, сейчас вдруг резко ударило меня по обонятельным рецепторам и возвестило о том, что в комнате кто-то сдох, и отнюдь не символически. В поисках источника этого зловония я начал обнюхивать углы комнаты. Самой высокой своей концентрации оно достигало под письменным столом, там, где обычно находились мои ноги. Я нырнул под стол – совсем как во времена детства, когда кто-нибудь из семейства меня обижал и мне приходилось искать укрытия. Несколько паркетных дощечек вынимались – в своё время я сам об этом позаботился, – доска пола под ними была выпилена (опять же мной). Там, в свободном пространстве между лагами, я хранил разную ерунду, детские

сокровища вроде ракушек, камушков, цветных стёкол и манускриптов на выдуманном языке, обожжённых спичкой по краям и окрашенных чаем. Весь этот хлам давно уже был ликвидирован во время очередного приступа взросления. Убийственный запах тухлого мяса шёл именно из моего тайника. Снятие первой паркетины чуть не закончилось для меня ранним расставанием с недавно съеденным на ужин фастфудом. Сгоняв на кухню, я вернулся с фонарём (таким мощным, что его лучом можно было ослеплять пилотов в самолётах высоко в небе) и снова опустился под стол, стараясь побить мировой рекорд по задержке дыхания. Яркий луч фонаря упал на жалкую тушку мёртвой крысы, осветив её так, словно она была звездой современного балета на сцене. Рядом с крысиным телом валялся пыльный листок бумаги. Содрогаясь от отвращения, я всё же сунул руку в тайник и взял листок. Что это – крыса тоже оставила предсмертную записку?

Уже по обожжённым краям бумаги я догадался, что она принадлежит мне: в детстве у меня была какая-то острая потребность оформлять огнём края всех своих бумаг, наверное, ровные, острые кромки пугали меня. Судя по почерку, мне было лет десять, когда я написал это. Я пошёл на кухню, где никто не мог меня потревожить, в том числе и амбре, источаемое бедным скончавшимся животным в моей спальне, и прочитал свой старинный документ:

«Когда мне будет двадцать пять лет, я буду знаменитым музыкантом и у меня будет своя рок-группа. Я буду жить в Америке, и у меня будет много денег. Моя мама и моя сестра тоже будут жить в Америке, только не в одном доме со мной, потому что к себе домой я буду приводить своих поклонниц. Их у меня будет очень много, ведь я буду богатым и знаменитым! Поскорее бы мне исполнилось двадцать пять!»

Из глубины прошлого на меня смотрел маленький я – выжидающе, осуждающе. «Что?! – с вызовом спросил я маленького себя. – Мне ещё нет двадцати пяти, и за пару лет всё ещё может измениться!» К тому же в Америку мне уже совсем не хотелось. Я поджёг записку от плиты и держал её, горящую, пока не обжёг пальцы, и тогда я бросил её в раковину. На запах дыма прибежали мама и сестра.

– Что горит?! – в панике голосила мать.

– Горят мои мечты и надежды, – мрачно ответил я. – Кстати, у нас под полом крыса сдохла.

Утром меня, спешащего на срочный вызов к собственной сестре – у Зарифы на работе опять произошёл компьютерный коллапс, – задержал во дворе дядя Рауф. Он любит животных и всегда их подкармливает, поэтому нравится мне, несмотря на то что консервативен – иногда до наивности. Помню, однажды он вбежал на нашу часть балкона и крикнул в окно кухни, где в это время возилась мама:

– Зохра, ты не представляешь! В семье Гасана произошло чудо! У него родился пятимесячный внук! И уже такой большой, здоровый...

Мама тогда смутилась и уклончиво ответила:

– Да, Аллах велик. – А потом, когда дядя Рауф понёсся распространять дальше весть о чуде, добавила: – Надеюсь, хотя бы муж дочери Гасана и отец её пятимесячного сына – это один и тот же человек.

Так вот, этот дядя Рауф сидел во дворе и наслаждался временем заслуженной пенсии – играл в нарды с другим соседом и следил за всем, что происходило в доме.

– Я слышал – вы крысу нашли вчера под полом, – сказал он, увидев меня.

– Да, нашли.

– Что-то не так в нашем доме. Кошки вот жмутся друг к другу, как будто они чего-то боятся, а крысы ходят туда-сюда, как у себя дома! У меня раньше – веришь?! – ни одной крысы не было, уже шестьдесят семь лет здесь живу, и ни одна крыса к нам в квартиру не заходила. В подвале были, да. А вчера в туалет захожу, смотрю – сидит одна, на меня смотрит. Хорошо, жена моя этого не видела. А потом ещё вторая вышла, рядом с первой села, и сидят, смотрят на меня. Шахла хала вон тоже жалуется, говорит, слышит, как они ночью бегают по комнате, боится из-под одеяла вылезти, а жарко! Однажды, когда я был маленький, у нас здесь соседка Мануш во дворе в кресле спала с открытым ртом, и крыса укусила её за язык. Так она и умерла. В вашей квартире жила, кстати.

– Какой ужас, – вежливо сказал я, а сам подумал: так вот что случилось с нашим привидением. А ещё я отчаянно попытался вообразить себе мотивацию существа, которое взяло на себя труд взгромоздиться на спящего человека и укусить его за язык. Не смог.

– Да, помню, странная была эта Мануш. – К моему ужасу, дядя Рауф, кажется, собрался предаться воспоминаниям о счастливом интернациональном детстве. – Она ни одного языка не знала.

– Как это?

– Вот так. По-русски говорила с трудом, твоя-моя, по-азербайджански – тоже. Как рот откроет – все вокруг мучаются, и она сама в первую очередь. Я один раз у другой соседки-армянки спросил – она, наверное, по-армянски умеет хорошо говорить, да? А тётя Эльза рукой так махнула: нет, говорит, по-армянски говорит точно так же. А с крысами вы там будьте поосторожней. Маме передай – пусть в гости заходит.

– Хорошо, спасибо!

Зарифа работает в частной фирме, специализирующейся на дизайне интерьеров, маленькой, но уважаемой. Из сотрудников там – пятеро девиц разной степени молодости и один утырок, у которого компьютерная мышь всегда измазана чем-то, похожим на засохшие сопли. В общем, неудивительно, что Зарифа не может найти себе мужика.

– Привет, братан! – крикнул тот самый единственный в офисе самец, увидев меня, и протянул для пожатия руку с нечистыми обгрызенными ногтями. Он всегда так фамильярно себя вёл со мной, как будто каждую пятницу мы вместе выпивали. На самом деле я его не знал и не желал знать.

– Привет, э-эм... – Я забыл его имя и поспешно, но с достоинством отступил в комнату, где работала сестра.

– Пришёл наконец. – Зарифа не стесняется быть сварливой даже на работе.

– Ну извини, телепортатор ты мне пока не подарила! – огрызнулся я. Эта реплика почему-то привела в восторг задастую Айгюль, которая разразилась непристойно громким звонким смехом – такой, наверное, раздавался в лучшие времена из портовых публичных домов. Раздосадованный, я отвернулся от неё.

Она считает себя очень прогрессивной, эта Айгюль. Но я готов навсегда отказаться от славы музыканта и пойти работать официантом за двести манатов в месяц, если она не выйдет замуж за того, кого ей выберут родители. А пока что она пытается закадрить меня, разумеется, у неё нет надежды на успех, но, как все недалёкие люди, она этого не понимает.

Я принялся за работу, а Айгюль распротёрла свои монументальные ягодицы по столу, за которым я сидел (самой ей, наверное, казалось, что она изящно присела на краешек), и сказала:

– На твоей страничке в Фейсбуке я видела, все пишут про твою смерть. Что э-э-э за дела?! У меня сердце взорвалось э-э... Зачем так шутишь?

– Это не шутка, – с достоинством ответил я, делая, как это назвала бы Айгюль, «зяхримарское» выражение лица, рассчитывая, что она поймёт намёк и отвалит. Но в случае с глупой женщиной, пытающейся понравиться, никакие расчёты не помогают.

– Ты с ума сошёл! – безапелляционно заявила она, вытаращив свои и без того слишком выпуклые глаза. – Такими вещами не шутят!

– А какими вещами шутят? – рассеянно спросил я, пытаюсь сосредоточиться на компьютере, которому срочно требовалась реанимация.

– Странный, э-э-э, ты какой! – Базарная интонация её визгливого голоса привела меня в неожиданное бешенство, которого я от себя даже не ожидал. Почувствовав, как прилившая кровь обжигает изнутри моё лицо, я выдал:

– Зато ты совсем не странная. Ты самая обыкновенная. Когда у твоих родителей пропадёт надежда на то, что на тебе кто-нибудь женится по любви, они выдадут тебя замуж за твоего двоюродного брата, и ты станешь домохозяйкой, бросишь работу, растолстеешь, и муж запретит тебе общаться с подругами и будет тебе изменять.

Раньше я думал, что выражение «повисла звенящая тишина» – довольно-таки расплывчатое и не отображает реального положения вещей. Теперь я убедился, что в таких ситуациях тишина действительно повисает – на тоненькой ниточке, и любое неосторожное движение может уронить её. Стало так тихо, что я мог слышать внутри своего черепа мистический звук Нада, в простонародье известный как «звон в ушах».

Я полюбовался реакцией девушек, которые находились в комнате. Если бы я сейчас разразился сумасшедшим хохотом, это бы, наверное, уже никак не повлияло на их мнение обо мне, но я всё же удержался, хотя и с трудом: сотрудницы моей сестры выглядели так, словно они пришли на концерт любимого исполнителя слащавых песенок про любовь, а он вдруг расстегнул штаны и оросил мочой их восторженные лица.

– А теперь, с вашего позволения, я закончу то, зачем пришёл сюда, – пафосно изрёк я и невидящим взглядом уткнулся в монитор, такой большой, что за ним можно было укрываться, как за мантилетом. Больше ко мне никто не приставал с разговорами, очевидно, они решили, что я – опасный асоциальный тип, который до сих пор маскировался под приличного парня. Подозрительным показалось мне то, что и Зарифа тоже промолчала, и это могло означать одно: дома меня ждёт скандал, а уж если сестра призовёт на помощь тёмные силы (я имею в виду маму с её большим опытом в домашне-бытовых баталиях), то мне точно придётся тяжко.

Джонни, которому я потом рассказал о своей выходке, очень смеялся. Мы сочиняли песню у меня дома (мать и сестра ещё не вернулись), точнее, под благовидным предлогом пили пиво и сплетничали.

– Ты лишился поклонницы, поздравляю, – сказал Джонни. – Но ничего, на её место скоро придут другие.

– Зачем? – испугался я.

– Теперь ты мёртвая знаменитость. – Мой друг напомнил мне, что пора посетить страничку в Facebook и посмотреть, что там изменилось за ночь.

Скорбь, переходящая в истерию, расцветала пышным цветом, и я надеялся, что цветочки однажды превратятся в плоды.

Вышла обещанная Ниязи статья, точнее, конечно, не статья, а так, заметка – для большего я, естественно, был слишком мелкой пташкой. В заметке приводились красноречивые цитаты из моего предсмертного письма, перечислялись мои заслуги перед музыкальной культурой страны (некоторые весьма неоспоримые) и сообщалось, что будет иметь место прощальный концерт. Ниязи запостил заметку на мою кладбищенского вида страницу. У заметки было более тысячи просмотров. Это с заголовком-то «Лидер известной рок-группы совершил самоубийство», ха! Широко известной в очень узких кругах, как это называется.

За прошедший день обнаружили люди, которые знали меня десяток лет назад – по музыкальной школе, по каким-то многочисленным кружкам, которыми нас с Зарифой истязала всё наше детство заботливая мама. Сам факт того, что они помнили меня, показался мне невероятным. Люди-призраки из прошлого вдруг восстали из небытия и собрались на моей странице, чтобы почтить мою память. Нашёлся даже Сулик, лучший друг детсадовских времён. Он написал: «Я помню, как мы играли вместе и хотели когда-нибудь, когда вырастем, убежать из дома и отправиться в кругосветное путешествие. Мы выросли, и наши дороги разошлись. Ты отправился в путешествие, которое будет длиться гораздо дольше, чем кругосветное, и, надеюсь, там тебе будет интересно. Терпения твоей семье. Мы всегда будем помнить тебя, мой талантливый друг!»

– Какой красноречивый х..., – прокомментировал Джонни, читавший всю эту дребедень через моё плечо, обдавая меня пивными парами. – Позовём его на наш концерт, пусть проп...т что-нибудь.

– Мы всех позовём, – злорадно ответил я. – И деньги за вход возьмём. Они расплатятся за всё время, что игнорировали меня и мою музыку.

– Нашу музыку, – мягко поправил меня Джонни.

В этот момент дверь платяного шкафа с наводящим ужас скрипом открылась.

– Полтергейст, – сказал Джонни и глумливо захихикал, но я пихнул его в бок:

– Я забыл тебе рассказать...

– Что, ваше привидение знаменитое? Ты всё время о нём п...шь, но я ни разу его не видел.

– Она в последнее время странно себя ведёт, посуду нам вчера всю перебила.

Воздух в комнате едва заметно заколебался, и мне стало не по себе. Я чувствовал, что на меня смотрят нехорошим взглядом.

– Ё...й стыд, ты что, правда в это веришь? – Цинизм Джонни бывает забавным, когда не касается лично вас.

– Не вопрос это веры, но вопрос... – договорить мне не дали мои собственные джинсы, которые вдруг со смертоносной яростью пушечного ядра полетели мне в голову с верхней полки шкафа. Следом ринулись ещё одни джинсы, точно такие же, запасные, потом брюки, свитера – меня атаковал мой собственный гардероб. Ремни бросались в лицо, словно взбесившиеся змеи, рубашки валились в одну кучу, как фанатички, в экзальтации готовящиеся к добровольному аутодафе – оцепенев, я наблюдал за этой рвотой, одолевшей мой шкаф, а Джонни бегал вокруг и потрясённо матерился. Наконец шкаф опустел, а у меня в голове таинственным образом попавший туда женский голос выкрикнул:

– Пошёл вон с мой дом!

– Простите, дамочка, но это уже давно не ваш дом, – сказал я вслух.

Джонни уставился на меня:

– Бля, это вот что щас за на х... было?

– Почему-то бывшая хозяйка этой квартиры только сейчас заметила наше присутствие.

Джонни стоял на месте, выпучив глаза. Минут десять мы молчали, разглядывая кучку моей одежды.

– На х... тебе столько одинаковых джинсов? – спросил наконец Джонни. Очевидно, такова была защитная реакция его мозга: отчаявшись понять произошедшее, он решил переключить внимание на что-то более земное.

– Чтобы в грязных не ходить. – Нагнувшись, я рассеянно подобрал один носок. – Надо же, а я его везде искал.

– И давно у вас эта пое...нь?

– Вчера она перебила посуду на кухне, – равнодушно ответил я, роняя носок обратно в кучу, невзирая на риск вновь расстаться с ним без возможности воссоединения.

– На...?!

– Понятия не имею. Мне некогда было об этом думать. Нам надо дописать песню.

– Я что-то не хочу здесь оставаться, извини, съё...юсь, – заявил Джонни, прихватил со стола недопитую бутылку пива и направился к выходу. – Ой, здрасте, тётя Зохра. – Моя мама, оказывается, уже вернулась и переобувалась в коридоре.

– Ты песню сам допиши, у тебя классно получается, я тебе не нужен особо, – умаслил меня на прощанье Джонни и поспешил убраться.

– Что случилось? У мальчика был испуганный вид.

– Это потому, что я признался ему в любви.

– Как?! – Я догадался, что мама хотела выронить из рук кулёк с покупками, но потом вспомнила, что там лежат яйца, и решила обойтись без театральных жестов.

– Да, я сказал, что всё это время только притворялся его другом, а сам пылал тайной страстью, – сказал я и удалился в свою комнату, хихикая, как идиот. События двух прошедших дней слегка расшатали мои нервы, и без того чересчур артистические. Мама побежала за мной.

– Что тут произошло? – закричала она, увидев поле битвы с павшей одеждой.

– То же, что вчера на кухне. Меня пытались избить моими собственными вещами. Поэтому Джонни был напуган.

Мама присела на край кровати с огорчённым лицом.

– Нет, так же невозможно жить! Мало того, что теперь мне приходится мыть посуду самой, теперь ещё это! А если завтра она возьмёт и вышвырнет в окно моё золото?

– Носи его всё на себе, как арабская женщина. – Неужели можно беспокоиться о каких-то жалких двух с половиной золотых браслетах, когда происходит нечто настолько необычное?

Скоро и Зарифа пришла домой. Мы рассказали ей о новой активности призрака, и таким образом гроза меня миновала: сестре стало не до моего хамства, ей было страшно, она даже собиралась не ночевать дома, пока я не напомнил, что ей не у кого ночевать. Настолько близких подруг Зарифа себе не завела. Подозреваю, что во всём виноват её змеиный характер.

Я навёл в комнате порядок и попытался дописать песню. Она называлась «Эскорт утопающих» и должна была замыкать альбом таким символическим пророческим посланием от меня всему человечеству. Я провёл немало весёлых минут, представляя себе, как мои знакомые, если кто-то из них сподобится прочесть и перевести текст или хотя бы название песни, будут содрогаться от мысли, что я, как и подобает истинному поэту, предрёк собственную смерть. Песня получилась слишком лирической, но так даже лучше: первая часть альбома звучала грубо, особенно там, где злобный Джонни рычал на бэк-вокале. К полуночи она была полностью готова – слова на листке бумаги передо мной и музыка в моей голове. Завтра мы запишем её, она обретёт плоть и свободу, отправится в полёт, и больше я над ней буду не властен. И если когда-нибудь, спустя десяток лет, я услышу её и ужаснусь («Что за сопливого монстра я сотворил, я, должно быть, был чертовски несчастлив в тот период моей жизни»), то никак не смогу изменить или уничтожить её. Разве что лениво открещиваться от авторства.

Активная творческая работа перегрела мой мозг, а глаза словно засыпало всепроникающим бакинским строительным песком. Напоследок я проверил социальные сети и с удовольствием увидел, что количество лайков у страницы нашей группы снова увеличилось. Просмотрел я и наш канал на YouTube – люди начали нами интересоваться. Не зная, злиться мне на них или радоваться, я отправил месседж Ниязи с текстом: «План работает». Через минуту пришёл ответ: «Если хочешь, могу достать ещё», а ещё через минуту: «Ой, это ты. Я тебя с другим перепутал. Рад, что тебя лайкают».

Размышляя о таинственной жизни Ниязи, я заснул. Мне снилась низенькая толстоватая женщина, которая подхватила меня на руки, словно я был невесомым, и вышвырнула меня в открытое окно, и я летел долго, гадая, почему наш второй этаж вдруг вознёсся так высоко. Потом я больно ударился о землю и снова взлетел, и остаток сна парил над незнакомым городом, то снижаясь так, что по лицу меня хлестали ветви диковинных деревьев, то поднимаясь так высоко, что город казался тщательно проработанным макетом с черепичными крышами, острыми шпилями и маленькими уютными площадями.

Меня разбудил «Master of Puppets» Металлики. И, кажется, не только меня одного. Эта песня уже пару лет служит мне сигналом будильника, которым я пользуюсь крайне редко, ибо считаю, что вскакивание под будильник – одна из привычек, присущих рабам. Так что мои соседи и домочадцы как-то не успели морально привыкнуть к бодрящим звукам хэви-метала по утрам, и каждый раз, когда обстоятельства принуждали меня встать рано и не по своей воле, гитарный рёв, оглашавший идиллическую тишину утра, становился для окружающих сюрпризом. При первых же аккордах я вскочил, схватил телефон и вырубил его. Только после этого разлепил глаза.

Мы ехали – опять верхом на Мике – записывать мою последнюю песню. По дороге разговоров только и было что о моей смерти.

– Это как-то странно, – осторожно высказал свою точку зрения несклонный к спорам Мика. – Ну, допустим, ты вот притворяешься мёртвым месяц, два. А потом что? Кто-нибудь из знакомых тебя точно увидит. И как же родственники?

– У нас нет родственников, – не без веселья ответил я, нежно дёргая Сайку за колючие кончики длинных волос. – Мама избавилась от всех родственников, да и Зарифа никогда не была общительной очаровашкой. Так что толпы скорбящей

родни к нам домой ломиться не будут. Мамкины коллеги – эти могут, да, но, когда они приходят, я всегда ухожу из дома, так что всё в порядке.

– Если это была идея Ниязи, – в голосе Мики зазвучал маниакальный ужас, – то это вообще да-а...

– Мика, у тебя бзик на Ниязи, – встряла Сайка. – Ты с самого начала пытаешься нас настроить против него. Он что, увёл у тебя девушку?

– Не тупи, ты прекрасно знаешь, что Мика – порядочный парень, он до свадьбы с девушками не е...ся! – фыркнул Джонни.

– Джонни, я тебе много раз говорил и ещё раз скажу – иди в жопу! – обиделся Мика.

– А мы разве не в ней? – с искренним удивлением спросил Джонни, выглядывая в окно. Мы проезжали мимо плоских заборов, которые тянулись по обе стороны дороги, высокие, безмолвные, и казалось, что за ними вообще ничего нет. Абсолютная пустота. Как будто мы ехали на машине в какой-то гоночной компьютерной игре. В таких я всегда пытался выехать за пределы дороги, разузнать, что там есть, но там, конечно же, ничего не было – разработчики игры не ориентировались на любознательного пользователя, обладающего исследовательским духом.

Ничего, когда-нибудь по этой дороге я поеду в аэропорт, и на этот раз она точно куда-нибудь приведёт. Я вспомнил город, который снился мне этой ночью. Меня тревожило чувство, что в этом городе я уже когда-то бывал.

Избавив студию от заселившей её саранчи, мы записали последнюю песню, и она показалась нам такой прекрасной, что даже коровья морда Эмиля приобрела слегка одухотворённое выражение, а Джонни на некоторое время перестал материться.

– Кажется, мы перешли на какую-то новую ступень, – поделился мнением мой лучший друг.

Сайка внезапно разрыдалась. Когда при мне плачет женщина, я становлюсь как осётр – женские слёзы, словно соляная кислота, превращают мои кости в хрящи. Омерзительное чувство. Только что ты был горд, смел и готов в одиночку вступить в словесную схватку с полчищем блогеров, и вот через минуту стоишь перед плачущей девушкой и жалко блеешь, пытаешься узнать причину её внезапных слёз, а если повезёт – то и утешить. Плакать Сайка любит и умеет, картинно размазывая по щекам косметику, проливая чернильные слёзы и заламывая красивые тонкие руки. В конце концов я разозлился и сказал:

– Ты решила сделать это доброй традицией, да? Каждый раз плакать, когда мы приезжаем к Мике на дачу?

– Мне страшно, – проскулила Сайка. Джонни округлил глаза, в правом было написано: «И вы ещё хотите», а в левом – «иметь девушку». Спиной же я чувствовал осуждающий взгляд Эмиля, который, когда речь заходила о Саялы, считал меня кем-то вроде Синеи Бороды и Отелло в одном лице.

– Чего тебе страшно? – рассеянно поинтересовался я, разглядывая усатую членистоногую тварь, ползшую по отсыревшей стене.

– У меня предчувствие.

– Ну, – выдавил из себя я и замолчал. Никогда раньше моя девушка не страдала предчувствиями. Скорее наоборот, она могла бы положить руку на раскалённую плиту и искренне удивиться, обжёгшись. Я списал её предчувствие на мою – ну ладно, нашу, – душещипательную песню, летнюю жару и впечатления от этой истории с моей мнимой смертью. Оказывается, Сайкина мама, Ирада ханум, прочитав в Facebook о том, что я почил в бозе, начала поспешно искать замену усопшему мне.

Не зная, что сказать, я плавно (надеюсь) перевёл внимание группы на обложку альбома. Обложка альбома – это крайне важно. Мы уже вели переговоры с фотографом-концептуалистом, как он себя величал, по имени Бабек. Этот хмырь был знакомым Мики и при первой встрече сразу был мысленно окрещён мною «опереточным дьяволом». Брюнет с гладко зализанными волосами, он носил маленькую острую бородку и под стать ей ухоженные усы, изгиб бровей имел надменный, а выражение лица – брезгливо-скучающее. Меня сразу начали терзать подозрения по поводу его ориентации. Кажется, никто, кроме меня, не

воспринял его таким образом; Сайка, разумеется, сказала, что он красивый, Эмиль млеет перед местной знаменитостью, а Джонни, как говорится, didn't give a shit. Концептуалист обещал заняться обложкой самого важного, предстоящего, альбома группы. Я как-то сомневался, что наши с ним вкусы совпадают, но решил не трепыхаться раньше времени. Хуже всё равно не будет. Обложку нашего первого альбома – «Time in the canted boat» по никому не ясной причине украшали скелеты. За её дизайн отвечал один из давних друзей Джонни, влюблённый в death-metal мальчонка, наряжавшийся, как чучело гота в музее субкультур, который, вероятно, создадут в далёком странном будущем, набивший зачем-то на своих дряблых тонких предплечьях татуировки, которые едва там поместились. Исключительно из любви к искусству художник-самоучка чуть ли не силой навязал нам свои услуги. Я хотел изысканный остов перевернутой рыбацкой лодки, но большинством голосов было решено, что нужны унылые, банальные и совсем не страшные скелеты. Боль от этой неуместной обложки до сих пор преследует меня.

Погода немного улучшилась – то есть на небо набежали неуверенные, полупрозрачные тучи, а температура воздуха слегка понизилась, и мы устроили чаепитие под тем самым инжировым деревом, которое послужило нам в прошлый раз для метеорологического ритуала. Под деревом стоял или скорее уже рос стол, сколоченный наспех из оставшихся от давнего ремонта досок. Между двух стволов смоковницы, отчего-то удачно решившей раздвоиться у самой земли, висел гамак, полуистлевший от дождей и ветра, – никто и не думал убирать его в дом с тех пор, как много лет назад его здесь подвесили. В гамак улёгся я, отважный. Сайка хлопотала вокруг меня, поднося чашки с чаем, конфеты и печенье. Я подумал, что моё самоубийство пошло ей на пользу, она сделалась заботливее. Хотя её удручало, что, пока она скорбит по мне, ей нельзя выкладывать в сеть свои селфи. Может, и в самом деле жениться? Пока её мама с тёткой не нашли кого-нибудь более подходящего и не запудрили ей мозги.

Лето никогда не располагало меня к активным действиям. В моём представлении этот сезон – нечто вроде лимба, хотя пребывание в нём, к счастью, бывает ограничено по времени. Невозможно братья летом за серьёзные дела. Прикрыв глаза, я удивлялся, как мне удалось в разгар ненавистного лета написать свою, пожалуй, лучшую песню, и прислушивался к звону, который издавал телефон Мики. Наш успешный друг с кем-то переписывался.

– Это Бабек, – сообщил он. – Прислал мне варианты обложек. Вот, посмотрите.

Он протянул мне смартфон, и его тонкие края впились в мои пальцы. Я взглянул на экран, дабы ознакомиться с предложениями фотографа-гения. То, что я увидел – потенциальное лицо нашего детища, – охарактеризовать можно было лишь ставшим с некоторых пор ироничным словосочетанием «современное искусство». На невнятном сером фоне, в композиционно выверенном месте (если поделить обложку на равные участки двумя горизонтальными и двумя вертикальными линиями, то ровно на пересечении вторых, в правой нижней части), белело что-то вроде умеренно-экспрессивного пятна краски. Как бы смотрелся на этом агрессивно-шипастый наш логотип? Как хулиганство? Варварский набег граффитистов – фанатов Cradle Of Filth на музей Гугенхайма?

Остальные варианты выглядели не лучше. Не обращая внимания на испуганный вопль Мики, я перебрал его драгоценный смартфон (приобретённый по цене пары просветляющих поездок на Гоа) Джонни. Тот взглянул на первый экземпляр и удивлённо присвистнул:

– Так это ж птичье говно!

– Где? – заинтересовалась Сайка, засовывая лицо в экран.

– Да вот эта белая х...ня. Голубь насрал на асфальт.

– Я даже не догадался, – Джонни поразил меня своей наблюдательностью. Потом я задумался. Может быть, дело вовсе не в наблюдательности. Может быть, дело в эрудиции, в образованности. Может, я углядел в голубином помёте произведение современного искусства потому, что лучше, чем Джонни, разбираюсь в искусстве в принципе? Может быть, более низкая осведомлённость позволяет ему видеть вещи такими, какие они есть? Или сказалась его склонность во всём видеть дерьмо?

– Это что, Бабек нам так намекает, на что похожа наша музыка? – задал я риторический вопрос. – Или он думает повторить подвиг Андреса Серрано?

Мы все посмотрели на Мику, будто он был в чём-то виноват.

– Ну, он же концептуалист, мать его, – огрызнулся Мика.

– Почему ты вообще решил, что фотограф лучше художника? – упрекнул его Эмиль.

– Потому что он один согласился работать бесплатно! – крикнул Мика, покраснев. Он у нас в команде всегда выполнял роль организатора. Он находил нам подработки, договаривался с хозяевами клубов и ресторанов о концертах, брал на себя заботу о дисках и футболках с нашими физиономиями. И всё это в условиях строжайшей экономии. – Да блин! Никто больше не хочет работать бесплатно!

– Да ладно, – вставил Джонни, – в этой стране почти все въё...ают бесплатно. У тебя что, нет знакомых, которые хотели бы обзавестись неоплачиваемой, зато постоянной работой? Стабильность – это ведь главное в жизни!

– Так, тихо. – Я из своего гамака простёр к ним руки, миролюбиво покачиваясь из стороны в сторону. Ничто не могло вывести меня, настроившегося на сиесту, из томного состояния. – Никто не хотел работать на нас бесплатно до того, как я совершил зверское самоубийство. А теперь захотят.

Команда посмотрела на меня с недоверием, а Сайка ещё и с укором.

– У Зарифы есть знакомая художница, если я правильно помню. Может быть, она согласится помочь.

– У неё тоже концептуальные картины? – спросил Эмиль, которому, очевидно, не понравилась идея, что я всех спасу.

– Да, но она работает в разных жанрах. Были у неё рисунки в стиле фэнтези... ничего так. Но вообще это должна быть наша лучшая обложка. Это же альбом, посвящённый моей памяти.

– Давайте просто снимем тебя в гробу, – предложил Джонни. Я представил себя на обложке – синего, раздувшегося, с водорослями в волосах и раковинами сердцевидки на глазах, и ответил, что это пошло.

Не знаю, как так получилось, но я заснул. Наверное, мне хотелось просто полежать в гамаке, чувствуя, как лёгкий ветер перебирает мои волосы и качает

мою верёвочную колыбель, слушать шелест листьев и Сайкино обиженное сопение. Дневной сон – это смерть. После него просыпаешься с чувством, будто тебя воскресили колдуны-некроманты, притом не сразу после того, как ты умер, а дали тебе слегка разложиться, для пикантности, и всё, что успело произойти с твоим телом, ты теперь ощущаешь. Я пробудился, не понимая, на каком свете нахожусь, вокруг меня столпились маленькие серые хвостатые существа с цепкими лапами и тыкали в меня сухими виноградными лозами. У одного из существ было лицо Ниязи; этот тыкал лозой с особой старательностью.

– Очень символично, – фыркнул я и зачем-то попытался поймать существо за хвост. «Ниязи», повизгивая и поднимая пыль, удирало, но я изловчился и всё-таки схватил его за кончик хвоста, подтащил к себе и скрутил так, что оно не могло пошевелиться, а затем принялся стегать его той же лозой, которой он изводил меня.

– Прекрати! Отпусти меня! – вопило существо, а остальные столпились вокруг нас и тряслись, вроде бы от смеха.

– Не хочу я тебя отпускать. Мне нравится!

– Отпусти! Я тогда твоё желание исполню!

– Не очень-то щедрое предложение. По закону положено три.

– Три не могу, давай два. – Мой пленник решил поторговаться.

– Ну уж нет, три!

– Два желания, и ты меня отпускаешь сей же миг, или я терплю, пока тебе не надоест и руки не устанут, и тогда ты меня отпустишь без единого желания, – быстро разъяснило ситуацию существо. Немного поразмыслив, я согласился:

– Ладно, давай два. Я хочу...

– Мне видней, чего ты хочешь, – сказала оно и с неожиданной силой швырнуло меня на песок. Я попытался встать, но не смог: меня всего опутала виноградная лоза. Это было неприятно, я дернулся посильнее, но проклятое растение

вцепилось в меня ещё крепче, а потом рвануло, приложило как следует об землю и потащило куда-то.

Тут я проснулся на самом деле на песке, барахтаясь в ошмётках гамака, который, будучи здорово ветхим, не выдержал моей тяжести. Метрах в пяти от места происшествия стоял Джонни, смотрел на меня и, как положено лучшему другу в подобных ситуациях, хохотал. Сайка с озабоченным лицом поспешила на помощь.

- Ты чего заснул? Не слышал, что нельзя спать под инжировым деревом? Я же тебе говорила! Ты что, спал?!

- Впервые слышу. Почему?

- Говорят, что того, кто уснёт под инжиром, утащат черти, - пояснил приблизившийся Мика, знаток примет, связанных с этим растением.

- Значит, это были черти, - пробормотал я и покосился на виноградник, мирно стлавшийся по земле в нескольких шагах от меня.

- Что? - жалобно спросила Сайка. Я не ответил. Мне страшно хотелось пить. Единственная бутылка воды, которая у нас осталась, была опрометчиво забыта под солнцем и нагрелась. Мне показалось, что на вкус она отдаёт пластиком. Скоро вся еда в мире будет отдавать пластиком.

Мы заметили, что по забору, тому самому, на котором мы сидели в тот памятный вечер, когда нас почтил визитом Ниязи, идёт кошка. Это была очень маленькая, аккуратная серенькая кошка с благообразным выражением мордочки. Тонкие черты её так и говорили: я очень спокойная, воспитанная и самостоятельная маленькая кошка, я вас не люблю, но вы можете покормить меня, если хотите. Бывают такие молоденькие, невысокие симпатичные горничные, которые знают своё место и ведут себя прилично и с чувством собственного достоинства, если хозяин вдруг бросит на них многозначительный взгляд. Вот такая это была кошка. Дойдя до стены дома, в которую упирался забор, она села и принялась умываться, не обращая на нас никакого внимания. Мы тоже не обращали на неё внимания, я и Сайка - потому что еды для кошки у нас всё равно не было, Мика и Джонни - по причине равнодушия к кошкам. Только Эмиль зыркнул на неё с неприязнью, но ничего не сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Я у мамы первенец, я – черноротая лисичка. Уйди, южный ветер, приходи, северный! (азерб.)

2

Незванный гость (азерб.).

3

Позор (азерб.).

4

Дословно – тыква, перен. – дебил (азерб.).

5

Больной на голову (азерб.).

6

Парень (азерб.).

7

Толкотни (азерб.).

8

В общем, как бы то ни было (азерб.).

9

Амок – состояние неконтролируемого бешенства.

10

Кидала (азерб.).

11

Дедушке (азерб.).

12

Бодзюцу – японское искусство ведения боя при помощи деревянной палки.

Купить: https://tellnovel.com/shafieva_shirin/ne-spi-pod-inzhirovym-derevom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)